

МАТРИЦА

ПРАВИЛА ОСОЗНАННОЙ ИГРЫ

ЕВГЕНИЯ МУШТАВИНСКАЯ

ЕВГЕНИЯ МУШТАВИНСКАЯ

МАТРИЦА

ПРАВИЛА ОСОЗНАННОЙ ИГРЫ

СОДЕРЖАНИЕ

Приглашение к разговору	4
Глава 1. Знакомство	5
Глава 2. Эхо забытых миров	7
Глава 3. Циклы цивилизаций	11
Глава 4. Память души	13
Глава 5. Кто создал игровое поле?	17
Глава 6. Базовые правила матричной игры	22
Глава 7. Чужие среди своих	29
Глава 8. Свобода внутри Игры	35
Глава 9. Почему человек выбирает несвободу	38
Глава 10. Самая древняя программа Матрицы	42
Глава 11. Архитекторы реальности	49
Отступление	54
Глава 12. Мышеловки для больших девочек	55
Глава 13. Внутренние контракты души	64
Глава 14. Матрица любит правильных девочек	69
Глава 15. Разрешение на счастье	74
Глава 16. Мягкость сильнее борьбы	77
Глава 17. Внимание как валюта жизни	80
Глава 18. Клубничная суббота	83
Глава 19. Иллюзия свободы	88
Глава 20. Испытание изобилием	98
Глава 21. Возвращение к себе	108

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ

Представь, что однажды вечером ты приехала в гости к старой доброй подруге. За окном тихо шелестит сад, цветёт сирень или жасмин, а в открытое окно вместе с прохладным ветерком проникают ароматы лета. На столе уже дымится свежесваренный чай, пахнет корицей, ванилью и домашней выпечкой, рядом стоит свободная чашка, словно тебя здесь давно ждали.

Наверное, именно так начинаются самые важные разговоры в нашей жизни: не тогда, когда кто-то пытается убедить нас в своей правоте или научить жить, а когда появляется возможность остановиться, выдохнуть после суеты дня и поговорить по душам о том, что давно живёт внутри, но редко находит слова.

Эта книга родилась из таких разговоров, из вечерних бесед под цветущими деревьями, размышлений о судьбе и свободе выбора, из вопросов, которые хотя бы однажды задавал себе каждый человек.

Почему некоторые события кажутся случайными, а другие словно были подготовлены задолго до своего появления? Почему страхи так легко управляют нашими решениями? Можно ли изменить собственную жизнь, изменив взгляд на происходящее? Что такое Матрица: бездушная система, пространство опыта или зеркало нашего собственного сознания? И существует ли настоящая свобода, если мир вокруг наполнен правилами, законами и обстоятельствами?

Я не предлагаю готовых ответов. Скорее приглашаю в путешествие, где важнее не выводы, а сам путь. На этих страницах мы будем говорить о памяти души и внутренней свободе, о любви и страхе, о внимании и выборе, о том, как среди тысяч чужих голосов научиться слышать собственное сердце.

Возможно, некоторые мысли покажутся тебе необычными. С чем-то ты согласишься, а с чем-то захочешь поспорить. И это прекрасно, потому что эта книга написана не для того, чтобы навязать новую картину мира, а для того, чтобы помочь взглянуть на свою жизнь немного иначе.

Иногда достаточно изменить угол зрения, чтобы увидеть дверь там, где раньше казалась стена, один разговор способен изменить направление целой жизни, а вовремя заданный вопрос порой оказывается важнее готового ответа.

Поэтому устраивайся поудобнее, наливай себе чай и позволь этому разговору начаться.

Возможно, когда ты перевернёшь последнюю страницу, мир вокруг останется прежним. Но если хотя бы на мгновение ты почувствуешь, что стала ближе к себе настоящей, значит, эта встреча произошла не случайно.

ГЛАВА 1

Знакомство

Прежде чем мы начнём этот разговор, мне хочется познакомить тебя с двумя женщинами, благодаря которым и родилась эта история. Они были совершенно разными. Настолько разными, что со стороны могло показаться удивительным, как судьба вообще свела их вместе. Но иногда именно противоположности становятся лучшими проводниками друг для друга.

Евгения была высокой, стройной женщиной с глубокими зелёными глазами, в которых словно всегда отражалось что-то большее, чем окружающий мир. Многие говорили, что в её взгляде есть какая-то особая древняя мудрость. Она умела видеть суть вещей там, где другие замечали лишь внешнюю оболочку. Любой вопрос для неё становился дорогой к новым исследованиям. Ей было недостаточно получить ответ, ей нужно было понять, почему этот ответ существует, откуда он пришёл и какие законы скрываются за ним.

Иногда Наташа шутливо называла её колдуньей. Не потому, что Женя занималась магией в привычном понимании этого слова, а потому, что после разговора с ней самые сложные жизненные ситуации вдруг становились понятнее, а запутанные мысли удивительным образом раскладывались по своим местам.

Она писала не просто книги, а книги-путешествия, книги-размышления, книги-трансформаторы, после которых люди начинали иначе смотреть на себя и на свою жизнь. Психология, эзотерика, энергия человека, древние цивилизации и память души были частью её внутреннего мира.

Наталя была совсем другой. Невысокая, лёгкая, подвижная, с озорными голубыми глазами и удивительной способностью находить повод для улыбки даже там, где его, казалось бы, не существовало. Если Женя напоминала древнюю хранительницу знаний, то Наташа была похожа на солнечную эльфийку, случайно оказавшуюся среди обычных людей.

Она работала учителем и искренне любила свою профессию. Любила детей, любила жизнь, любила людей. Наташа умела радоваться простым вещам так, как умеют далеко не все взрослые. Её смех часто звучал раньше, чем заканчивалась шутка, а её способность видеть в людях хорошее иногда удивляла даже саму Женю.

При этом Наташа обладала редким качеством, она не боялась задавать вопросы. Именно те вопросы, которые большинство людей обычно оставляют внутри себя: о душе, о судьбе, о любви, о смерти, о чудесах, о том, почему жизнь иногда кажется странно справедливой, а иногда совершенно непонятной.

Наверное, именно поэтому они и подружились. Одна умела задавать вопросы, другая любила искать ответы. Когда выпадали свободные выходные, они уезжали на старую дачу у побережья Балтийского моря. Больше всего им нравились те дни, когда там никого не

было. Когда семьи были заняты своими делами, телефоны замолкали, а мир словно ненадолго оставлял их наедине с собой.

Там были сирень и жасмин, яблоневый сад, круглый пруд, липовые аллеи и ночные светлячки; пахло морем, свежей выпечкой, корицей и горячим чаем, а время почему-то текло иначе, позволяя замечать то, что в городской суете обычно ускользает.

Именно там рождались разговоры, которые постепенно становились чем-то большим, чем просто дружеские беседы. Разговоры о душе и судьбе, о свободе выбора и законах Матрицы, о страхах, надеждах и тайнах человеческой жизни. Собственно, с одного такого вечера и началась эта история.

ГЛАВА 2

Эхо забытых миров

Жизнь устроена удивительно. Большинство людей каждое утро просыпаются, идут на работу, решают бесконечные бытовые вопросы, строят планы, влюбляются, переживают, радуются и огорчаются, даже не задумываясь о том, что всё это происходит внутри огромной системы правил, которые существовали задолго до их рождения.

Кто-то называл её обществом, другие судьбой, а кто-то реальностью, некоторым нравится говорить о Матрице.

Конечно, речь шла не о компьютерной программе и не о фантастическом фильме. Скорее о том невидимом пространстве законов, привычек, убеждений и взаимосвязей, внутри которого живёт человечество. Именно эта система определяет, как люди взаимодействуют друг с другом, чего боятся, к чему стремятся, что считают правильным, а что невозможным.

Можно спорить с её правилами, можно пытаться их игнорировать, можно делать вид, что их не существует. Но пока человек живёт среди людей, он неизбежно участвует в этой игре.

Наверное, именно поэтому Женя и Наташа так любили свои бесконечные разговоры. Они никогда не пытались сбежать из мира. Их интересовало другое: понять, как устроена матричная игра и почему одни события словно ведут человека вперёд, а другие снова и снова возвращают его к одним и тем же урокам. Почему некоторые люди появляются в нашей жизни не случайно, почему одни мечты сбываются, а другие остаются лишь мечтами.

А ещё существовал другой вопрос. Если эта система действительно существует, есть ли пространства за её пределами? Пространства, где действуют совсем иные законы? Города, скрытые от человеческого взгляда? Миры, которые находятся рядом с нами, но остаются невидимыми до тех пор, пока человек не готов их увидеть?

Именно здесь в их разговорах впервые начинала появляться Атлантида. Не как погибшая цивилизация из учебников истории, а как символ иной реальности, существующей за пределами привычных ограничений человеческого разума.

Вечер медленно опускался на Саулкрасте, небольшой приморский городок на берегу Балтийского моря, который занимал особое место в сердце Евгении. Скорее всего, потому что именно здесь стояла её старая дача, укрытая от посторонних глаз высокими соснами и цветущими кустами сирени. А может быть, потому что здесь она всегда чувствовала себя ближе к самой себе. Стоило только свернуть с шумной дороги на тихую улочку, ведущую к морю, вдохнуть влажный воздух, наполненный запахом хвои, цветущих луговых трав и соли, принесённой вечерним бризом с побережья, как городская суэта оставалась где-то далеко позади, словно принадлежала уже другой жизни.

В такие дни Наташа часто приезжала к подруге на выходные. Обе ждали этих встреч с особым нетерпением. Не потому, что виделись редко, а потому, что только здесь, вдали от бесконечных дел, телефонов и повседневной спешки, появлялось пространство для настоящих разговоров. Тех самых разговоров, которые начинаются с чашки ароматного чая и неожиданно приводят к размышлениям о судьбе, душе, древних цивилизациях и тайнах мироздания.

Стоял конец мая. Сирень цвела так пышно, словно старалась за несколько коротких недель подарить миру всю красоту, накопленную за год. Её густой аромат проникал через открытые окна веранды и смешивался с запахом апельсиновой цедры, корицы и горячего чая, который Наташа только что разлила по чашкам. За соснами едва слышно дышало море. Его не было видно из сада, но оно постоянно напоминало о себе то лёгким шелестом волн, то прохладным прикосновением ветра, который время от времени заглядывал на веранду, осторожно перебирая ветви сирени и заставляя пламя свечи слегка вздрагивать.

Женя сидела напротив, задумчиво глядя в сгущающиеся сумерки. В такие минуты Наташе всегда казалось, что подруга смотрит не столько на окружающий мир, сколько куда-то глубже, за его видимую природу. Иногда это её забавляло, иногда удивляло, а иногда заставляло задавать вопросы, которые давно жили внутри. Именно такой вопрос неожиданно сорвался с её губ в этот вечер.

Наташа задумчиво провела пальцем по краю фарфоровой белой чашки. Поправила прядь волос и наконец решилась спросить.

— Знаешь, я иногда тебе завидую.

Женя удивлённо подняла бровь, готовая слушать подругу.

— Это сейчас было неожиданно.

— Нет, правда. Ты столько книг написала. И каждая будто про что-то своё. Иногда мне кажется, что ты не придумываешь истории, а просто вспоминаешь их.

Женя тихо улыбнулась.

— Возможно, в этом есть доля правды.

— Я серьёзно. Когда читаешь твои книги, возникает ощущение, будто ты рассказываешь не теорию, а что-то очень знакомое. Как будто сама когда-то это видела.

Свеча мягко потрескивала на столе. Несколько секунд Женя молчала, наблюдая за её пламенем.

— Наверное, именно поэтому мне так сложно объяснить, откуда приходят некоторые знания, — наконец сказала она. — Иногда кажется, что они приходят не извне, а словно поднимаются из глубины памяти.

Наташа внимательно посмотрела на подругу.

— Особенно когда ты рассказываешь про Атлантиду.

Женя усмехнулась.

— Да, особенно тогда.

Ветер качнул ветви сирени за окном. Откуда-то из темноты донёсся протяжный крик чайки.

— Вот честно, Жень, — сказала Наташа. — Иногда мне кажется, что ты рассказываешь про Атлантиду так, будто сама там жила.

Женя медленно провела ладонью по тёплому фарфору чашки. Вещь была самая обычная, почти невесомая в руках, и всё же в этот момент ей подумалось, что жизнь тоже складывается из таких хрупких деталей: чашки на столе, запаха сирени, голоса близкого человека, далёкого дыхания моря.

— Знаешь... иногда мне кажется, что я не изучаю Атлантиду.

Она подняла взгляд на подругу.

— Иногда мне кажется, что я её вспоминаю, вернее это делает моя душа.

Наташа хотела пошутить, как делала обычно, но почему-то не смогла. В голосе Жени не было ни тени игры или желания произвести впечатление. Она говорила спокойно, словно вспоминала место, которое когда-то действительно знала.

Несколько секунд они молчали. За соснами тихо шептало холодное море, а пламя свечи дрожало от редких порывов вечернего ветра.

— Атлантида — цивилизация огромных знаний и большой духовной силы, — наконец произнесла Женя. — Иногда мне кажется, что истории о ней похожи на воспоминания о времени, когда человек ещё не успел окончательно отделить себя от природы и от самого себя. Атланты понимали природу сознания, умели работать с энергией и знали о мире гораздо больше, чем мы можем представить сегодня.

Она ненадолго задумалась.

— Но любая сила однажды проходит испытание властью. Это касается и человека, и народа, и целой цивилизации. Когда желание управлять становится важнее мудрости, а контроль начинает подменять собой гармонию, разрушение уже незаметно поселяется внутри созданного мира.

За соснами протяжно вздохнуло море. Ветер принёс с побережья прохладный солёный запах.

— Всё начинается не сразу. Сначала люди перестают слышать друг друга. Потом исчезает доверие. Затем теряется память о том, ради чего вообще был создан этот мир. Внешне ещё ничего не происходит, города стоят на своих местах, люди живут привычной жизнью, но внутри цивилизация уже начинает разрушаться.

Наташа задумчиво смотрела в темноту сада.

— И тогда Атлантида ушла под воду?

— Так рассказывают древние истории. Но чем больше я изучаю эту тему, тем меньше верю в буквальное исчезновение. Иногда мне кажется, что Атлантида не погибла. Она просто вышла за пределы той реальности, которую мы привыкли считать единственно возможной.

Наташа вопросительно подняла брови.

В уголках губ Жени появилась мягкая улыбка.

— Если смотреть на мир как на Матрицу, то можно предположить, что существуют уровни сознания, где действуют совсем другие законы. И, возможно, некоторые цивилизации однажды просто научились жить за пределами привычной игры.

Она ненадолго замолчала, словно подбирая слова.

— Мы привыкли считать, что древние цивилизации исчезли. Атлантида ушла под воду, Гиперборея растворилась во льдах, Лемурия погибла вместе со своими землями. Но что, если исчезли не они? Что, если исчезла лишь возможность видеть их привычным человеческим взглядом?

За соснами снова говорило море. Оно рассказывало о вечном, том что всегда жило и живет вне рамок и законов, за пределами всех реальностей и одновременно вместе с этим в них.

— Мне кажется, существуют пространства, которые находятся совсем рядом с нашим миром, но живут по иным принципам. Там нет привычных ограничений системы и тех сценариев, которые определяют жизнь большинства людей. Возможно, именно там продолжают существовать цивилизации, которые мы считаем утраченными.

— И кто-то может их увидеть?

— Не совсем увидеть, — мягко ответила Женья. — Скорее почувствовать. Иногда такие сигналы приходят через сны, озарения, внутренние образы или необычные состояния сознания. Иногда именно так рождаются книги, написанные словно в живом потоке, или знания, происхождение которых сам человек не может объяснить логически.

Она ненадолго замолчала и сделала глубокий вдох. Солёный воздух моря смешивался с ароматом сирени, и на мгновение ей показалось, что время исчезло, оставив только этот вечер, звёзды и ощущение чего-то бесконечно древнего.

— И самое интересное начинается именно тогда, потому что вместе с этой связью человек начинает замечать не только другие миры. Он начинает иначе видеть собственную жизнь. То, что раньше казалось случайностью, складывается в закономерность. Повторяющиеся события перестают быть совпадениями. Становятся заметны ограничения и роли, которые прежде воспринимались как нечто естественное.

— И тогда приходит понимание: Матрица — это не весь мир. Это лишь один из уровней большой Игры.

Ночь становилась всё глубже. Над верхушками сосен одна за другой загорались звёзды, а где-то в траве уже выводил свою первую вечернюю мелодию сверчок. Казалось, сама Вселенная внимательно слушает их разговор, оставляя самые важные вопросы и ответы на потом.

ГЛАВА 3

Циклы цивилизаций

— А Гиперборея? — тихо спросила Наташа.

На лице Евгении появилась лёгкая улыбка.

— Когда читаешь ченнеленговые описания Гипербореи, возникает ощущение, будто речь идёт не столько о земле, сколько о состоянии сознания. Её называли северной страной света, местом, где человек чувствовал себя частью огромного живого мира. Там не было постоянной спешки, борьбы и тревоги. Люди жили в согласии с природой и воспринимали движение звёзд, течение рек и дыхание ветра как части одной великой жизни.

Ветер качнул ветви сирени, и несколько цветков бесшумно опустились на деревянные перила веранды.

— Но этот мир однажды изменился. Пришёл холод. Изменился климат. Цветущие земли скрылись под снегами и льдами. Люди были вынуждены покинуть свои дома и уйти на юг, сохранив лишь осколки знаний, которые спустя тысячелетия превратились в легенды. И скорее всего они также живут за пределами нашего мира, в параллельной реальности или на невидимой нашему взгляду части Земли.

Наташа некоторое время молчала, наблюдая за тем, как ветер перебирает ветви сирени.

— А Лемурия?

— Лемурию описывают совсем иначе. Если Атлантиду связывают со знаниями, а Гиперборею со светом и гармонией, то Лемурию чаще называют миром сердца. Миром, где чувства были не менее важны, чем разум. Где человек ощущал связь с природой так же естественно, как сегодня ощущает собственное дыхание.

Женя посмотрела на звёздное небо. Море тихо вздыхало за соснами, прислушиваясь к миру вокруг и за его пределами.

— Любой цикл имеет своё начало и своё завершение. Всё в этом мире движется, всё меняется. И Лемурия однажды тоже стала частью прошлого, оставив после себя лишь редкие отголоски древней памяти на нашем уровне, и перешла на новый уровень игры, а может вышла за её пределы. Кто знает?!

— Получается, кто-то всё время стирает созданное? — спросила Наташа.

Женя покачала головой.

— Мне кажется, большинство людей неправильно смотрят на историю цивилизаций. Нам кажется, будто произошла катастрофа, всё разрушилось и на этом история закончилась. Но если посмотреть шире, становится заметно другое.

Она подняла взгляд к звёздам.

— Представь себе огромную игру. Если правила не меняются слишком долго, игроки перестают развиваться. Они начинают повторять одни и те же действия, создавать одни и те же сценарии и двигаться по кругу. Тогда запускается новый этап.

Наташа не ответила сразу. Она опустила взгляд, словно примеряя услышанное к собственной жизни.

— Ты хочешь сказать, что цивилизации исчезают не случайно?

— Возможно, они завершают свою задачу. Каждый цикл приносит человечеству определённый опыт. Одни эпохи исследуют силу разума, другие — технологии, третьи — власть, четвёртые — духовность. Когда урок оказывается пройден или, наоборот, заходит в тупик, начинается перестройка всей системы.

— Именно поэтому в мифах разных народов снова и снова появляются рассказы о великих потопах, ледниковых периодах, смене эпох, исчезнувших землях и погибших цивилизациях. Люди запомнили внешние события, но забыли внутреннюю причину.

— Какую?

— Цикл завершился.

Пламя свечи тихо танцевало на столе, отбрасывало тени на занавески и стены веранды. Это придавало разговору еще больше таинственности и секретности.

— Мне кажется, Матрица устроена гораздо сложнее, чем мы привыкли думать. Она не просто создаёт правила для отдельного человека. Она создаёт правила для целых эпох. Меняются условия игры, меняются культуры, меняются знания. Иногда даже меняется само представление человека о том, кто он такой.

Наташа внимательно слушала.

— Тогда получается, что кто-то следит за всем этим?

Женя посмотрела на подругу с тёплой, чуть заметной улыбкой.

— Возможно, именно поэтому многие древние традиции говорят об Архитекторах, Хранителях или Создателях Циклов. Названия могут быть разными. Но сама идея удивительно похожа: существуют силы или законы, которые наблюдают за развитием Игры и периодически переводят её на следующий уровень.

Она ненадолго замолчала.

— И если это действительно так, то Атлантида, Гиперборея и Лемурия были не ошибками истории. Они были предыдущими главами одной очень большой книги.

Над садом окончательно воцарилась ночь.

А где-то между звёздами и шумом моря словно скрывалась мысль, от которой по коже пробегали мурашки: возможно, и нынешняя цивилизация однажды станет лишь ещё одной страницей в истории Великой Игры.

ГЛАВА 4

Память души

Наташа долго смотрела на тёмное небо, где между звёздами медленно двигались невидимые глазу потоки времени. Над садом разливалась балтийская ночь, наполненная ароматом сирени, дыханием моря и тем особым чувством, которое появляется только тогда, когда разговор касается чего-то намного большего, чем просто история человечества.

Некоторое время они сидели молча. Со стороны моря доносился ровный шум волн, а сирень за окнами постепенно растворялась в темноте. Казалось, сад тоже притих и оставил их наедине с разговором.

Женя задумчиво смотрела на огонёк свечи.

— Знаешь, что меня всегда удивляло больше всего? Следы прошлых эпох никуда не исчезают. Они остаются повсюду, словно кто-то специально оставляет человечеству подсказки. В древних мегалитах, происхождение которых до сих пор вызывает вопросы. В старых картах, на которых изображены земли, о существовании которых люди, казалось бы, не могли знать. В легендах разных народов, удивительно похожих друг на друга, хотя между ними лежат тысячи километров и столетия истории.

Она на мгновение замолчала, прислушиваясь к далёкому и одновременно близкому шелесту сосен.

— А ещё они остаются внутри нас. Иногда это трудно объяснить словами. Просто возникает странное ощущение, будто человечество однажды забыло что-то очень важное. Что-то настолько большое, что память об этом до сих пор отзывается в душе лёгкой тоской по чему-то давно утраченному.

Наташа невольно кивнула. Она и сама не раз ловила себя на подобных чувствах, особенно в такие вечера, когда море шумело за деревьями, а мир вокруг казался гораздо глубже и загадочнее, чем в обычные будни.

— Наверное, именно так и появились мои «Врата Атлантиды». В какой-то момент мне показалось, будто я просто получила доступ к знанию, которое всегда жило где-то глубоко внутри. — На губах Жени появилась лёгкая тёплая улыбка, словно она и сама вновь прикоснулась к этим воспоминаниям.

— Знаешь, я всегда думала, что люди сначала решают стать писателями, а потом начинают писать книги. — Наташа посмотрела на подругу.

— А я, наверное, всё сделала наоборот, — рассмеялась Женя. — Сначала книга появилась внутри, а потом уже пришлось её записать.

Обе улыбнулись. Ветер осторожно коснулся ветвей сирени за окном, и по комнате снова разлился её аромат.

— Но это ведь не просто книга про Атлантиду? — спросила Наташа.

— Нет, совсем не про Атлантиду. Скорее про память души, про путь за пределы дозволенного и привычного.

Женя на мгновение задумалась.

— Знаешь, есть книги, которые рассказывают историю. Есть книги, которые чему-то учат. А есть такие, которые помогают человеку встретиться с самим собой. Мне кажется, самые важные книги рождаются именно так.

— Это как?

— Иногда человек читает книгу глазами, а иногда книгу читает его душа.

Наташа подняла голову, не до конца понимая озвученную фразу. Ей хотелось услышать больше, чтобы осознать услышанное.

— Красиво сказала.

— Я сейчас вполне серьёзно.

— Когда такая книга попадает в руки тому, кому она действительно нужна, начинают происходить удивительные вещи. Кто-то вспоминает яркие сны. Кто-то вдруг понимает, почему с детства его тянуло к определённым местам или символам. Кто-то начинает чувствовать внутренние ответы на вопросы, которые долго не мог решить. — Женя сделала глоток уже остывшего чая.

— То есть человек начинает вспоминать себя?

— Скорее вспоминать что-то очень важное о себе.

Некоторое время слышно было только море. Оно шумело где-то далеко за соснами, словно огромное живое существо, которое тоже участвовало в их беседе.

— Очень необычная идея, — задумчиво произнесла Наташа.

— Зато живая, потому что душа никогда не откликается на сухую информацию. Она откликается на чувства, на образы, на узнавание.

— А ты так же хорошо помнишь другие цивилизации? Лемурию, Гиперборею?

Женя покачала головой. Свеча мягко потрескивала на столе.

— Нет, они не раскрывают мне свои тайны...

Она посмотрела в окно, где между ветвями сирени уже мерцали первые звёзды.

— Конечно, я могу читать, изучать, сопоставлять разные источники. Мне это интересно. Но нет такого глубокого внутреннего отклика, какой возникает, когда речь заходит об Атлантиде.

— Почему?

— Не знаю.

— Возможно, именно там моя душа когда-то прожила очень важный опыт. А может быть, именно эти воспоминания нужны мне сейчас для выполнения моих собственных задач.

Наташа посмотрела на пламя свечи, зажгла рядом ещё одну и поставила её ближе к Жене. Света стало больше, но камерность момента не исчезла.

— Получается, ты написала книгу не потому, что захотела стать писателем?

Женя тихо рассмеялась.

— Нет, просто однажды стало невозможно не писать. Словно история сама искала дорогу в этот мир. Будто её ждали те, кому пришло время вспомнить что-то важное о себе. А может быть, завершить старые истории, которые когда-то остались незавершёнными.

Она на мгновение замолчала.

— И чем дальше я её записывала, тем сильнее понимала, что книга нужна не только мне.

— А мне можно будет её прочитать?

— Разумеется, но немного позже. — В зелёных глазах Жени промелькнула лукавая улыбка.

— Почему?

— Потому что сегодняшний вечер посвящён совсем другой теме.

— Опять ты оставляешь самое интересное на потом. — театрально вздохнула Наташа.

— Должна же я хоть иногда сохранять интригу.

Они рассмеялись. За окнами всё сильнее сгущалась ночь. Сирень тихо качалась под лёгким морским ветром, а звезды весело перемигивались между собой и, казалось, светили только этим двоим.

— Сейчас гораздо важнее понять не то, существовала Атлантида или нет, — тихо сказала Женя. — Намного интереснее другой вопрос. Почему всё больше людей начинают вспоминать о ней именно сейчас? И почему души снова и снова возвращаются к этим историям, словно пытаются найти в них ответы на что-то очень важное для настоящего времени.

— И почему? Раньше ведь об этом почти никто не говорил.

— А может быть, говорили. Просто никто не слушал. — Женя улыбнулась. — Мне кажется, дело даже не в самой Атлантиде, — продолжила она. — Люди начинают искать не прошлое. Они начинают искать себя.

— Не совсем понимаю. Вот она я, вот она ты. Что именно человек ищет? — Наташа повернулась к ней.

— Представь человека, который много лет живёт по чужим правилам. Учится тому, что не любит. Работает там, где не хочет. Выполняет роли, которые ему навязали. Со временем внутри появляется ощущение, будто он забыл что-то очень важное. Будто потерял часть себя.

— И тогда он начинает искать?

— Да, кто-то приходит в психологию. Кто-то уходит в творчество или отправляется в путешествие. Кто-то начинает читать книги о древних цивилизациях, памяти души или устройстве мира. Но на самом деле все они ищут одно и то же.

— Что?

— Ответ на вопрос: «Кто я на самом деле?»

— Атлантида в этом смысле становится символом, — продолжила Женя. — Символом памяти о себе настоящем. Именно поэтому эта история продолжает откликаться людям, даже спустя тысячелетия.

— И почему эта история до сих пор так откликается людям?

— Потому что мы живём в очень странное время. Старые программы больше не работают так хорошо, как раньше. Люди всё чаще чувствуют внутреннюю пустоту, даже когда у них есть деньги, работа, семья и все внешние признаки благополучия. Душа начинает задавать вопросы, на которые невозможно ответить списком дел или новым телефоном.

— Получается, память души просыпается не потому, что человек хочет вспомнить прошлое? — Наташа задумчиво смотрела вперёд.

— Да, она просыпается потому, что человек готов вспомнить себя осознанно. — Женя на секунду замолчала. — И вот тут начинается самое интересное, потому что, когда человек начинает вспоминать себя, он неизбежно начинает замечать правила игры. Те самые невидимые схемы, которыми пронизана наша жизнь, которые раньше казались единственно возможной реальностью.

Наташа посмотрела на звёзды. Где-то за соснами мерно шумело море, а сирень наполняла ночь своим густым ароматом.

И вдруг ей показалось, что память души вовсе не воспоминание о прошлом. Возможно, это тихое узнавание того, кем ты была всегда, но на время забыла.

Если это действительно так, значит, самый важный вопрос заключается вовсе не в том, существовала ли Атлантида и кем человек был когда-то. Гораздо важнее понять другое: почему он забыл себя именно на Земле и для чего?

Возможно, потому что любая игра начинается с правил. И прежде чем вспомнить себя, человеку приходится научиться замечать правила мира, в котором он живёт.

ГЛАВА 5

Кто создал игровое поле?

— Люди думают, что ищут Атлантиду, древние цивилизации, прошлые воплощения или ответы на великие тайны. Но чаще всего они ищут самих себя. Просто ещё не всегда это понимают.

Наташа медленно кивнула. После разговора в ней осталось не желание доказать существование Атлантиды и не азарт охотника за красивыми теориями, а тихое, почти личное понимание: за легендами, древними цивилизациями, циклами и звёздными мирами всё равно проступает один вопрос, «Кто я на самом деле?» Возможно, именно с него и начинается настоящее пробуждение.

За соснами продолжало шуметь море, древнее, как сама память человечества. Сад уже растворился в глубокой балтийской ночи, между деревьями собиралась прохлада, а сирень едва заметно двигалась от ветра.

— Знаешь, — неожиданно произнесла Наташа, — иногда смотришь новости, стоишь в магазине в очереди среди уставших людей и думаешь: ну кто вообще придумал все эти нормы и ограничения? Почему всё так сложно?

Женя усмехнулась и сделала глоток чая.

— Если бы ты знала, сколько раз в день люди задают этот вопрос, Создатели земной реальности наверняка уже давно ведут статистику.

— А кто её создал, как думаешь, — весело спросила Наташа.

С каждой минутой сад становился тише. Прибой продолжал свой бесконечный разговор с берегом, словно оставляя женщинам достаточно пространства для вопросов, ради которых они так любили эти приезды.

Ветер качнул занавеску у двери террасы. Наташа проводила взглядом тень поздней птицы, скользнувшую над садом, и снова повернулась к подруге.

— Архитекторы Реальности...

— А кто они вообще такие эти архитекторы? Ты всё время их упоминаешь так, будто лично знакома хотя бы с половиной из них.

— Только с особым взглядом на их существование, ведь кто-то управляет системой и приглядывает за нами, — Женя улыбнулась.

— Вот сейчас я почти поверила, — Наташа рассмеялась.

Женя поставила чашку на стол и посмотрела на сад, который давно утонул в ночных сумерках.

— Знаешь, мне кажется, люди часто представляют Архитекторов либо какими-то всемогущими богами, либо существами, которые сидят за огромным пультом управления

человечеством и нажимают кнопки: здесь добавить кризис, здесь устроить любовь, здесь включить дождь на выходные.

— Судя по последним событиям в мире, кнопки они иногда путают.

— Возможно, — улыбнулась Женя. — Но, если отбросить фантазии, мне они представляются скорее создателями условий. Не теми, кто проживает жизнь вместо нас, а теми, кто создаёт пространство, в котором душа может получить нужный опыт.

Луна уже поднялась над тёмными верхушками сосен, и её свет лёг на перила террасы, кусты сирени и тяжёлые бутоны пионов.

— То есть мы всё-таки в какой-то большой игре? — спросила Наташа.

— Возможно.

— Космической?

— Очень большой космической.

— С сохранениями?

— Судя по количеству повторяющихся ошибок человечества, функция автосохранения точно существует.

Наташа снова расхохоталась.

— Ну правда, — продолжила Женя. — Иногда мне кажется, что им важен не результат. Не галочка напротив слова «успешно». Им интересен сам процесс. То, как душа проходит через обстоятельства, через встречи, потери, любовь, страх, радость. То, как она учится видеть свет даже тогда, когда вокруг темно.

На некоторое время разговор стих. Ночь становилась прохладнее, звёзды проступали всё ярче, а аромат сирени смешивался с запахом земли и солёным дыханием Балтики.

— Но почему обязательно через страдания? — тихо спросила Наташа. — Почему нельзя было придумать что-нибудь поприятнее? Например, духовный рост через путешествия, массаж и корзину свежих фруктов.

— Потому что тогда никто бы не развивался, — рассмеялась Женя.

— Это почему?

— Представь. Лежишь ты на берегу моря. Рядом фрукты, солнце, любимый человек. Всё прекрасно. Скажи честно, в такой момент ты начнешь искать смысл жизни?

— Нет, не начну, в этом не будет необходимости. Я буду просто валяться в шезлонге и наслаждаться любимым человеком.

— Вот именно.

— Опять эти неудобные аргументы, — Наташа обречённо вздохнула.

— Проблема в том, что счастье редко заставляет человека задавать глубокие вопросы. Когда всё хорошо, большинство людей откладывают своё пробуждение на потом, на следующий понедельник или даже на следующий год.

— Не трогай мои понедельники.

— Я их не трогаю. Они сами уже давно никого не трогают.

Наташа покачала головой и плотнее закуталась в плед. Женя стала серьезнее.

— Боль умеет останавливать человека. Иногда только она заставляет нас посмотреть внутрь себя. Она срывает маски, разрушает иллюзии, показывает, где мы были неискренни с собой. Наверное, именно поэтому через ограничения так часто раскрывается сила духа.

Несколько мгновений слышно было только море. Где-то вдалеке залаяла собака. Женя поднялась из кресла.

— Пойдём к качелям.

— Почему?

— Потому что возле сирени всегда лучше думается.

Они неспешно прошли по садовой дорожке. Старая сирень росла возле самого края участка. Её ветви почти касались земли, а аромат был таким густым, что казалось, его можно собирать ладонями. Наташа села на качели и слегка оттолкнулась ногой. Цепи тихо скрипнули.

— Вот сейчас у меня полное ощущение, что именно после таких разговоров в фильмах обычно открывается какой-нибудь портал.

— Не провоцируй пространство, — Женя посмотрела на неё с улыбкой.

— Почему?

— Оно сегодня и без того слишком внимательно нас слушает.

Качели медленно качнулись под ветвями старой сирени. Ночь уже давно вступила в свои права, и в густом аромате цветов, прохладе моря и мерцании звёзд было что-то почти нереальное.

Наташа слегка оттолкнулась ногой от земли, цепи тихо скрипнули, и качели снова пошли вперёд и назад, отмеряя разговор своим неторопливым ритмом.

— Так всё-таки, если верить твоей теории, кто придумывает все эти жизненные уроки?

— Мне кажется, само поле Игры устроено как огромное пространство возможностей и программ. Одни учат человека терпению, другие доверию. Третьи настойчиво показывают, что пора научиться говорить «нет», а не соглашаться на всё подряд только для того, чтобы кого-то не расстроить, — улыбнулась Женя.

— Стоп. Вот это уже было очень личное замечание, — Наташа тут же подняла палец.

— Я ничего не говорила.

— Нет, говорила и Вселенная через тебя тоже говорила.

Женя рассмеялась.

— Хорошо. Возможно, некоторые уроки просто слишком узнаваемы.

— И что, все эти люди и события действительно не случайны? — спросила Наташа.

Над сиренью ярко мерцали звёзды. Женя на мгновение подняла голову к небу.

— Не знаю, насколько всё предопределено. Но чем старше становлюсь, тем меньше верю в случайности. Иногда человек приходит в нашу жизнь буквально на несколько дней,

а меняет нас больше, чем кто-то за многие годы. Иногда одна встреча переворачивает судьбу. Иногда одна фраза остаётся с нами на всю жизнь.

— Мне кажется, жизнь чем-то похожа на театр. Кто-то подготавливает декорации. Кто-то собирает актёров на сцене. Но сам спектакль всё равно рождается каждый раз заново.

— То есть роль выбираю я?

— Но играть эту роль всё равно тебе.

— Уже хорошо.

Качели тихо скрипнули. Где-то за соснами послышался ровный шум моря.

— А зачем всё это вообще нужно? — спросила Наташа уже серьёзнее.

На этот раз Женя ответила не сразу. Она смотрела на небо, где между ветвями мерцали звёзды. Иногда казалось, что сама ночь внимательно слушает их разговор.

— Иногда мне кажется, что огромное Сознание Вселенной захотело узнать себя.

— Через нас?

— Через всё: через жизнь, через любовь, через ошибки, через радость, через страх.словно бесконечный океан однажды разделился на миллиарды капель и отправил их путешествовать по миру, чтобы каждая из них собрала свой собственный опыт.

Наташа некоторое время молчала.

— Красиво звучит, — наконец сказала она. — Но тогда Земля явно относится к категории экстремального туризма.

Женя рассмеялась так искренне, что качели снова качнулись.

— С этим трудно спорить.

— Нет, серьёзно. Если существует каталог миров, то рядом с Землёй наверняка стоит предупреждение: «Только для опытных душ. Возможны эмоциональные перегрузки».

— И обязательная приписка мелким шрифтом: «После воплощения претензии не принимаются».

Наташа расхохоталась.

— А ведь похоже на правду.

— Наверное, именно поэтому сюда и стремятся попасть. Здесь за одну жизнь можно пережить столько чувств, сколько в некоторых мирах не переживают за несколько воплощений: любовь и потерю, восторг и одиночество, отчаяние и надежду. Здесь всё ощущается очень ярко, — Женя улыбнулась.

— То есть мы сами согласились на это приключение?

— Похоже, что так.

Наташа обречённо закрыла лицо ладонями.

— Надеюсь, перед отправкой нам хотя бы выдавали инструкцию по эксплуатации жизни.

— Конечно, выдавали.

— Правда?

— Правда.

— И где она теперь?

— Там же, где пароль от памяти души, — Женя посмотрела на неё с совершенно серьёзным видом.

Несколько секунд Наташа молча смотрела на подругу, а потом шутливо надулась и сморщила носик и подняла взгляд к небу. Ночь окончательно опустилась на сад. Сирень тихо шелестела в темноте, море дышало за соснами своим вечным спокойствием, а звёзды над Балтикой разгорались всё ярче.

— Значит, поле игры всё-таки кто-то создал?

— Думаю, да.

— А правила?

Женя улыбнулась, но отвечать сразу не стала.

— Вот о правилах мы как раз ещё не говорили.

ГЛАВА 6

Базовые правила матричной игры

Впереди между деревьями замерцал огонёк. Они вышли к небольшой площадке, где стоял старый парковый мангал. Рядом лежала аккуратная поленница берёзовых дров. Женя остановилась.

— Давай немного погреемся.

Она присела возле мангала, подбросила пару сухих берёзовых чурок, чиркнула спичкой. Огонь тут появился и вскоре уже оживился, а еще через мгновение весело затрещал. Вскоре он выбросил вверх целый рой золотистых искр и повеяло теплом от мангала. Наташа тут же протянула руки к огню.

— Вот теперь разговор о мироустройстве становится значительно приятнее.

— Видишь, даже философия лучше усваивается возле огня.

На небольшом столике стоял термос с чаем. Женя открыла крышку и разлила горячий напиток по кружкам. От чая поднимался аромат мяты, листьев чёрной смородины и липового цвета. Наташа обхватила кружку ладонями.

— Всё-таки счастье иногда кроется в маленьких приятных мелочах.

— Чаще всего именно такое.

Несколько минут они слушали, как потрескивают дрова. Комары кружили возле свечей, но почему-то не спешили подлетать ближе. Словно и им было интересно слушать разговор.

— Но тогда почему в мире столько боли? — вдруг спросила Наташа.

Огонь на мгновение вспыхнул ярче. Женя задумалась и какое-то время собиралась с мыслями заглупевшая от огня.

— Некоторые учителя считают, что боль нужна не для наказания.

— А для чего?

— Чтобы человек наконец обратил внимание на то, что давно игнорировал.

Наташа смотрела на пламя. В его глубине ей чудились то замки, то дороги, то какие-то незнакомые лица.

— Значит, страдание не является целью?

— Нет, и боль не является целью. Для кого-то она становится уроком, для кого-то предупреждением, а для кого-то толчком к переменам. Но это далеко не единственный способ учиться, — Женя покачала головой.

— Скорее инструментом. Вспомни зерно. Сначала оно лежит в темноте. Лотос тоже рождается не в хрустальном дворце, а в илистой воде. Почти всё живое проходит через сопротивление прежде, чем раскрыть свою силу и красоту.

— Красиво и немного грустно.

— Жизнь часто соединяет эти два состояния одновременно.

Пламя продолжало танцевать среди поленьев. Ночь становилась глубже. Где-то в кронах лип переговаривались невидимые птицы. А над верхушками деревьев всё ярче загорались звёзды.

Женя задумчиво провела ладонью по ветке липы. Тёплые листья едва заметно коснулись её пальцев, словно отвечая на прикосновение. Один из светлячков медленно опустился на её руку и замер маленькой живой искрой.

Некоторое время она молчала. Ночь умела отвечать на вопросы лучше любых людей. В её тишине иногда рождались мысли, которые днём просто не приходили в голову.

Где-то в траве стрекотали сверчки. Над головой шелестели листья. Ветер осторожно гулял между деревьями, принося запах цветущей липы, молодой травы и чего-то неуловимо древнего, будто сама земля помнила гораздо больше, чем готовы помнить люди.

Наташа первой нарушила молчание.

— Хорошо. Допустим, существуют те, кто создаёт игровое поле. Но по каким правилам вообще работает эта игра?

На губах Жени появилась лёгкая таинственная улыбка. Языки пламени отражались светом и тенями на её лице.

— Вот это уже гораздо более интересный вопрос.

Светлячок вспыхнул на её ладони и снова погас.

— Большинство людей думают, что живут среди случайностей. Но чем дольше я наблюдаю за жизнью, тем сильнее убеждаюсь: случайностей гораздо меньше, чем нам кажется. Просто существуют законы, которые работают независимо от того, знаем мы о них или нет.

Наташа внимательно посмотрела на подругу.

— И что это за законы?

— Базовые правила Игры.

— Как это?

— Представь сад. Садовник не заставляет каждую ветку расти вправо или влево. Он создаёт условия: землю, воду, свет. А дальше дерево само выбирает, каким ему стать.

— Так и здесь. Похоже, в основе Игры лежит несколько базовых законов: закон причины и следствия, закон резонанса, закон свободы выбора, закон развития через опыт. А уже внутри этих законов каждая душа прокладывает собственный маршрут.

Наташа посмотрела вдоль аллеи. Светлячок вспыхнул ярче и снова погас. Дорожка терялась в темноте, а между стволами деревьев плавали десятки маленьких огоньков.

— Получается, никто специально не строит человеку тупики?

— Иногда самые большие тупики мы создаём себе сами.

— Это прозвучало подозрительно жизненно.

По лицу Жени скользнула спокойная улыбка.

— Потому что так и есть. Очень часто человек сам строит стены из страхов, обид, убеждений и чужих ожиданий. А потом забывает, что когда-то сложил первый камень собственными руками.

— И начинает искать виноватых?

— Практически всегда.

— А потом идёт к психологу?

— Или начинает искать ответы в книгах, практиках и разговорах. Иногда ищет причины, иногда виноватых, а иногда наконец осознаёт, что пришло время и начинает искать самого себя.

— Или пишет книгу про Матрицу.

Обе тихо рассмеялись.

Смех растворился среди деревьев и сразу стал частью ночи. Некоторое время они шли молча. Светлячки вспыхивали вокруг всё чаще. Казалось, будто между деревьями кто-то рассыпал горсть живых звёзд.

— А почему в таких книгах так много говорят о счастье? — неожиданно спросила Наташа.

Женя подняла голову к небу. Между ветвями уже мерцали первые созвездия.

— Потому что счастье тоже связано с одним из законов Игры.

— В смысле?

— Большинство людей воспринимают счастье как награду. Сначала нужно чего-то добиться, что-то пережить, доказать свою ценность, выполнить длинный список условий. И только потом, если очень повезёт, разрешить себе быть счастливым.

— Узнаю человечество.

— А что если всё наоборот?

Наташа вопросительно посмотрела на неё.

— Что если счастье не награда за правильно пройденный путь, а один из способов этот путь проходить?

— Подожди... Это уже интересно.

В уголках губ Жени появилась мягкая улыбка.

— Некоторые называют это законом внутреннего состояния. Другие, законом внутреннего компаса. Когда человек находится в состоянии внутреннего покоя, любви, благодарности или радости, он начинает лучше слышать себя. Лучше замечает возможности, легче различает подсказки жизни.

— Получается, счастье — это навигатор?

— Скорее внутренний компас.

Наташа провела пальцами по краю чашки и на несколько секунд ушла в свои мысли.

— А ведь это совсем другой подход к условиям жизни.

— Конечно, если воспринимать счастье как цель, его постоянно приходится догонять, а если как внутренний компас, оно помогает выбирать направление.

Ветер мягко качнул ветви деревьев. Листья тихо зашелестели над их головами.

— Тогда почему так много людей живут в тревоге? — спросила Наташа.

Женя посмотрела на мерцающих между деревьями светлячков.

— Потому что тревога тоже умеет показывать направление, только обычно не туда, куда человеку действительно нужно идти.

— И поэтому система так настойчиво отвлекает человека от радости?

На губах Жени появилась загадочная улыбка.

— Вот об этом мы сейчас и поговорим.

И словно соглашаясь с её словами, один из светлячков вспыхнул особенно ярко и медленно полетел вперёд по дорожке, будто приглашая их следовать за собой дальше.

Они неспешно двигались по аллее. Под ногами мягко шуршал песок дорожки. Где-то над головой шелестели листья, а между деревьями кружили светлячки, словно маленькие хранители ночных тайн. Некоторое время они шли молча.

— Если существуют правила Игры, значит, они должны как-то проявляться в жизни? — наконец спросила Наташа.

— Постоянно проявляются, — улыбнулась Женя. — Например, возьмём закон причинности.

Наташа приготовилась слушать.

— Он соединяет вчера и завтра. Всё, что человек создаёт своими мыслями, решениями, поступками и чувствами, рано или поздно возвращается к нему в новом качестве.

— Кармический бумеранг?

— Можно сказать и так.

— Вселенная явно любит пересылать посылки обратно отправителю.

— Иногда даже с процентами.

Обе улыбнулись. От моря потянуло прохладой. Земля постепенно отдавала накопленное за день тепло.

— Есть ещё закон резонанса, — продолжила Женя. — Благодаря ему похожие состояния начинают находить друг друга.

— Это как?

— Если человек долго живёт в страхе, он начинает замечать вокруг всё больше причин для тревоги. Если живёт в состоянии доверия, благодарности или внутреннего изобилия, начинают появляться возможности, идеи и люди, созвучные этому состоянию.

Наташа тяжело вздохнула.

— Даже не хочу знать, сколько всего я сама себе наприщивала за последние годы.

— Не ругай себя, — мягко сказала Женя. — Мы все учимся пользоваться собственным сознанием.

Женя ненадолго замолчала.

— Закон свободы выбора означает, что никто не может принять решение за человека.

— Но тогда почему одни и те же ситуации возвращаются снова и снова?

— Потому что существует ещё один закон — закон развития через опыт.

— То есть сама система специально издевается над человеком?

Женя рассмеялась.

— Нет, она просто удивительно терпеливый учитель.

Наташа прищурилась.

— Допустим.

— Тогда скажи честно, сколько раз в твоей жизни появлялись люди, которые казались совершенно разными, а потом вдруг выяснялось, что проблемы с ними возникают одинаковые?

Наташа притихла. Вопрос оказался глубже, чем ей показалось сначала.

— Если честно... несколько раз.

— И каждый раз ты удивлялась, как снова оказалась в похожей истории.

— Было дело.

— Вот это и есть один из законов Игры. Пока человек не понимает урок, декорации меняются, а сюжет остаётся прежним. Этот закон называют законом развития через опыт.

— Это как?

— Душа редко учится через готовые ответы. Чаще она учится через проживание. Поэтому некоторые ситуации возвращаются до тех пор, пока человек не увидит в них то, что должен был понять.

— То есть актёры новые, а спектакль старый?

— Именно так: другой город, другая работа, другие отношения, а внутри всё тот же вопрос, который человек пока не решился задать самому себе.

Наташа задумчиво покачала головой.

— Звучит подозрительно похоже на правду.

Некоторое время они шли молча. Светлячки вспыхивали среди деревьев, словно маленькие звёзды, случайно спустившиеся на землю.

— Есть ещё один закон, который люди замечают реже остальных, — наконец сказала Женя.

— Какой?

— Закон внимания.

Наташа невольно улыбнулась, будто узнала в этих словах что-то очень знакомое.

— Сейчас будет что-то про «куда внимание, туда энергия»?

— Не совсем. Всё немного интереснее.

Она посмотрела на тёмный сад.

— Шайтан-машина, как иногда называют этот механический слой системы, прекрасно знает, что внимание человека — это его сила.

— И что в этом особенного?

— То, что человек почти никогда не видит всю картину целиком. Обычно он замечает только то, на что направлен его взгляд.

Ветер осторожно качнул ветви сирени.

— Представь ночной сад. В нём тысячи деталей: цветы, дорожки, звёзды, деревья, светлячки. Но если свет падает только на один уголок, тебе начинает казаться, что весь мир состоит именно из него.

— То есть внимание работает как фонарь?

— Скорее как свет, который выделяет часть реальности и делает её важнее всего остального.

— И кто держит этот фонарь?

Женя посмотрела на подругу с тёплой, чуть заметной улыбкой.

— Иногда сам человек, иногда его страхи, иногда желания, а иногда идеи, которые кто-то очень старательно сделал главными для миллионов людей.

Наташа медленно кивнула.

— Получается, я могу смотреть совсем не туда, куда мне действительно нужно?

— Верно. Некоторые структуры и шаблоны устроены так, что постоянно удерживают внимание человека снаружи: на бесконечной гонке, страхах, конфликтах и чужих ожиданиях. Тот, кто всё время смотрит вовне, всё реже замечает голос собственной души.

— Значит, борьба идёт не за человека?

— Не совсем. Борьба идёт за его внимание, потому что внимание рождает выбор, выбор создаёт действия, а действия постепенно формируют реальность человека.

Наташа долго смотрела на мерцающих светлячков.

— Получается, правила работают постоянно?

— Постоянно.

— Даже если человек о них не знает?

— Особенно тогда, — Женя улыбнулась и тихо ответила.

Светлячки продолжали мерцать среди деревьев.

И Наташе вдруг показалось, что самые важные законы мира действуют именно так, незаметно. Независимо от того, верит в них человек или нет.

Но если законы существовали всегда, то кто-то должен был научиться использовать их раньше других...

ГЛАВА 7

Чужие среди своих

Ночь становилась всё глубже. Липовая аллея медленно растворялась в полумраке. Над верхушками деревьев раскинулось огромное звёздное небо. Млечный Путь тянулся через весь небосвод, словно кто-то набросил на мир тонкое серебристое покрывало. Звёзд было так много, что взгляд терялся среди их бесконечного мерцания.

Наташа остановилась. Она давно не смотрела на небо так долго. Обычно взгляд задерживался на звёздах всего на несколько секунд, а потом снова возвращался к делам, телефону, мыслям, людям. Сегодня всё было иначе.

Она смотрела вверх так, словно медленно входила внутрь этой бесконечности. Хотелось вдохнуть ночное небо целиком. Раствориться в его тишине. Стать хотя бы на одно мгновение такой же спокойной, как этот бескрайний звёздный океан.

Рядом молча шла Женя. Странно... Каждый раз рядом с ней привычный мир словно становился объёмнее. Обычные вещи открывали ещё одно измерение. Даже это звёздное небо переставало быть просто красивой картиной. Казалось, за ним скрывалось что-то огромное, живое и удивительно знакомое.

Наташа глубоко вдохнула прохладный ночной воздух.

— Знаешь... рядом с тобой я почему-то совсем иначе смотрю на небо.

Женя улыбнулась, но отвечать сразу не стала.

— Возможно, не рядом со мной. Возможно, рядом со мной ты просто позволяешь себе смотреть глубже.

Наташа снова подняла голову. Млечный Путь уходил так далеко, что невозможно было представить, где заканчивается этот свет.

— Иногда мне кажется, будто оно тоже смотрит на нас...

— Возможно. — Женя тоже посмотрела вверх.

Несколько минут они шли молча. В такие минуты слова казались лишними, а ночь сама становилась тихим приятным разговором.

Где-то совсем рядом вспыхнул один светлячок, затем второй, потом ещё несколько. Маленькие живые огоньки повторили карту далёких созвездий, только уже здесь, среди лип, словно кто-то осторожно перенёс кусочек звёздного неба на землю.

— Никогда не думала, что светлячки так похожи на звёзды. — Наташа невольно улыбнулась.

— А может быть, наоборот, — тихо сказала Женя. — Это звёзды однажды решили напомнить о себе Земле.

Наташа задумалась и почесала нос.

— После разговоров с тобой даже такая мысль уже не кажется невозможной.

Женя ничего не ответила. Она смотрела на небо так спокойно, словно давно перестала искать в нём доказательства. Будто достаточно было просто чувствовать его присутствие.

Некоторое время они снова шли молча. Липовый цвет густо наполнял воздух медовым ароматом. Где-то в высокой траве стрекотали сверчки. Тёплый ветер осторожно перебирал листья над головой, а Млечный Путь всё так же неспешно пересекал небосвод, словно дорога, ведущая туда, где время измеряется уже совсем другими величинами.

И вдруг Наташа тихо спросила:

— Жень... а тебе никогда не казалось, что некоторые люди словно совсем не отсюда?

Женя не удивилась этому вопросу. Словно ждала его весь вечер. Она ещё несколько секунд смотрела на звёзды.

— Очень многим так кажется.

— Правда?

— Намного большему количеству людей, чем принято думать.

Наташа удивлённо посмотрела на неё.

— Но почему тогда они молчат?

По лицу Жени скользнула спокойная улыбка.

— Потому что страшно. Если ребёнок в семь лет скажет родителям: «Мне кажется, это не мой дом. Я будто оказался здесь случайно», — его вряд ли поймут.

— Да... Скорее всего, решат, что он слишком много фантазирует. — Наташа невольно кивнула.

— Именно.

Несколько шагов они прошли молча. Ветер снова прошёл по аллее. Где-то высоко над ними тихо зашелестели листья.

— Некоторые люди с самого детства чувствуют странную тоску, — продолжила Женя. — Не по какому-то конкретному месту и даже не по человеку, а по чему-то, чему невозможно подобрать название.

— Точно...

— Им кажется, будто они всё время что-то вспоминают... но никак не могут вспомнить до конца.

Наташа медленно подняла голову.

— Или будто всю жизнь кого-то ищут.

Женя посмотрела на неё с лёгкой улыбкой.

— Да, и самое странное, что даже тогда, когда у них появляются семья, работа, друзья и любимый город, внутри всё равно может оставаться ощущение, будто чего-то важного не хватает.

— Как будто живёшь хорошую жизнь... но не свою?

— Именно так.

Они снова остановились. Млечный Путь казался настолько близким, что хотелось протянуть руку и дотронуться.

— Знаешь, — тихо сказала Наташа, — в детстве я часто смотрела на звёзды и почему-то думала, что однажды кто-то за мной прилетит.

— Сейчас звучит немного смешно... — смущённо улыбнулась она.

Женя рассмеялась.

— Совсем не смешно. Почти каждый человек, который потом начинает искать себя, рассказывает похожие истории.

— Правда?

— Да, просто потом большинство забывает: школа, работа, быт, заботы постепенно заслоняют прежние ощущения, и человек убеждает себя, что всё это были всего лишь детские фантазии.

— А если это были не фантазии?

Женя некоторое время молчала.

— Не знаю. — Она произнесла эти слова совершенно спокойно. — И мне очень нравится отвечать именно так.

Наташа удивлённо посмотрела на неё.

— Почему?

Ночь снова наполнилась тишиной. Где-то вспыхнул один светлячок, затем второй, а потом сразу десяток маленьких золотых огоньков. Они загорались и гасли, словно звёзды в ночном небе, придавая моменту ещё больше таинственности.

Женя улыбнулась и медленно провела ладонью по шершавой коре липы.

— Есть одна любопытная гипотеза. Если собрать древние мифы, мистические школы, современные исследования сознания и некоторые ченнелинги, складывается впечатление, что все они описывают одно и то же явление разными словами.

— Какое?

— Что души могут иметь разный опыт ещё до рождения на Земле.

Наташа отвела взгляд в сторону и задумалась, перебирая услышанное внутри себя.

— То есть не все начинают свой путь здесь?

— Нет.

Над аллеей медленно проплыло облако, на несколько секунд закрыло Млечный Путь, а затем снова открыло россыпь сияющих звёзд. Каждая из них могла бы вместить историю, о которой человек никогда не узнает.

— А кто из них прав?

Женя тихо рассмеялась.

— Возможно, все понемногу. Представь огромную гору. Один человек поднимается на неё с востока, другой, — с запада, третий — с юга. Они описывают разные дороги, разные деревья, разные камни. Иногда даже спорят друг с другом. Но вершина у всех одна.

— Красивое сравнение, — улыбнулась Наташа.

— Поэтому меня всегда немного настораживает, когда кто-то начинает слишком уверенно рассказывать, как устроена Вселенная. Мы ведь исследуем океан, стоя по колено в воде.

Несколько мгновений между ними жила тишина. Где-то совсем рядом снова вспыхнули светлячки.

— Тогда почему вообще появились разговоры о звёздных душах? — спросила Наташа.

— Потому что некоторые люди на протяжении всей жизни чувствуют странное внутреннее узнавание, когда начинают смотреть на звёзды. — Женя подняла взгляд к небу и замолчала.

— Не просто интерес, а именно узнавание. Эти два чувства очень разные.

— Мне кажется... я понимаю, о чём ты говоришь. — Наташа невольно снова посмотрела вверх.

— Кто-то испытывает это возле моря. Кто-то — в горах. Кто-то — когда впервые видит ночное небо без городских огней. Внутри вдруг возникает чувство, которое невозможно объяснить словами. Не восторг и не любопытство, — она улыбнулась, — Скорее тихое ощущение: «Я это уже знаю».

Наташа долго молчала.

— И тогда человек начинает искать?

— Да.

— И находит книги про звёздные расы?

— Обычно именно так всё и начинается.

Женя подняла руку и рассеянно провела пальцем по воздуху, будто соединяя невидимые точки знакомых созвездий. Движение получилось таким естественным, словно рука помнила рисунок раньше мысли.

— Почему?

— Одни начинают читать психологию, другие, древние мифы. Кто-то неожиданно приходит к книгам о звёздных душах, так рождается поиск... Есть одна мысль, над которой я долго размышляла.

— Какая? — Наташа внимательно посмотрела на неё.

— Далеко не каждая душа приходит на Землю исключительно ради собственного развития.

— А ради чего ещё?

Женя подняла с дорожки маленький липовый цветок и медленно покрутила его в пальцах.

— Представь реку, — продолжила она. — Она проходит через разные земли. Где-то течёт быстро, где-то медленно, где-то становится широкой, где-то совсем узкой. Но ни один берег не может сказать: «Река принадлежит мне».

— То есть душа похожа на реку?

— Иногда мне кажется, что да. Она проходит через семьи, страны, профессии, отношения, но всё это — лишь участки её пути.

Наташа задумчиво молчала.

— Тогда получается... человек может благодарить свой род, любить его... и всё же не быть обязанным проживать чужую судьбу?

Эти слова повисли в тишине. Даже ветер словно на мгновение затих.

— Если следовать этой гипотезе, можно предположить, что есть души, чей опыт тесно связан с земным родом. А есть те, для кого семья становится скорее входом в этот мир, чем конечной точкой пути.

— Поэтому они чувствуют себя чужими?

— Не всегда. Но именно поэтому многим из них с детства кажется, что дом существует... только пока они не знают, где он находится.

Наташа медленно подняла глаза к небу уже неизвестно который раз, за эту бесконечную ночь. Звёзды мерцали так спокойно, будто никуда не спешили.

— Получается... некоторые всю жизнь ищут не место.

— А чувство узнавания.

— Да, — в глазах Жени мелькнуло знакомое лукавство. — И самое удивительное происходит тогда, когда человек перестаёт искать это чувство снаружи.

— А где?

— Внутри себя.

Она на мгновение замолчала.

— Потому что, возможно, настоящая духовная семья узнаётся не по фамилии, не по крови и даже не по происхождению. Она узнаётся по состоянию. По тому удивительному чувству, когда рядом с каким-то человеком ты вдруг перестаёшь играть роль. И впервые за долгие годы можешь просто быть собой.

Наташа долго молчала, потом неожиданно спросила:

— Тогда получается... не каждой системе выгодно, чтобы человек всё это понял?

Женя не ответила сразу. Она подняла с дорожки маленький липовый цветок и некоторое время рассматривала его на ладони.

— Если смотреть на мир как на живую систему, — наконец сказала она, — то любая система стремится сохранить себя.

— Даже если она уже перестала быть полезной?

— Особенно тогда.

Наташа удивлённо посмотрела на неё.

— Почему?

— Потому что всё живое стремится продолжать существовать. Старое редко уходит добровольно. Оно почти всегда пытается убедить тебя, что именно оно и есть единственная возможная реальность.

Ветер осторожно качнул верхушки лип, отпугивая ночных птиц и невольных слушателей.

— Представь старый дом, — продолжила Женя. — Он давно требует капитального ремонта. Но его стены словно шепчут жильцам: «Не уходите. Здесь безопасно. Здесь всё привычно». И многие остаются. Не потому, что им хорошо, а потому, что неизвестность пугает сильнее привычного неудобства.

— Получается, так же работают и некоторые матричные программы?

— Думаю, да. Любая система стремится сохранить себя. Но человек начинает по-настоящему взрослеть лишь тогда, когда перестаёт жить только по её правилам.

ГЛАВА 8

Свобода внутри Игры

Свобода редко приходит громко. Она не всегда выглядит как увольнение с нелюбимой работы, переезд в другую страну или начало новой жизни. Иногда она появляется почти незаметно, в том коротком мгновении, когда человек впервые перестаёт действовать по привычке. Именно об этом сейчас думала Наташа, глядя на звёздное небо.

— Получается... свобода начинается совсем не там, где открываются двери?

— Нет, — тихо ответила Женя. — Она начинается в тот момент, когда человек перестаёт жить автоматически.

Над садом снова стало тихо, только ветер перебирал ветви сирени, а где-то высоко над ними мерцали звёзды, словно подтверждая простую мысль: самые большие стены находятся не вокруг человека, а внутри него...

— А Архитекторы не возражают, когда человек начинает видеть больше?

В уголках губ Жени появилась мягкая улыбка.

— Иногда мне кажется, что им это даже интересно.

— Почему?

— Потому что предсказуемая игра быстро становится скучной. Пока человек живёт только привычками, всё заранее известно. Но стоит ему однажды выбрать иной путь и появляются новые линии вероятностей: новые встречи, новые решения, новый опыт.

Наташа задумчиво кивнула.

— Поэтому жизнь всё время словно устраивает небольшие проверки?

— Мне кажется, это больше похоже на приглашения. Задержался самолёт. Кто-то сказал неприятные слова. Всё идёт не по плану. Старый сценарий предлагает привычную реакцию, но именно в этот момент человек впервые может ответить иначе.

— Получается, уровень пройден?

— Скорее таким образом открывается следующая дверь...

Некоторое время они молча смотрели на небо.

— Знаешь... — тихо сказала Наташа. — Мне сегодня вдруг стало понятно, что свобода — это совсем не то, что я представляла раньше.

— А что ты представляла?

— Новую работу, другой город, других людей. Мне казалось, стоит изменить обстоятельства, и жизнь станет другой.

Женя посмотрела на подругу с тёплой, чуть заметной улыбкой.

— Многие так думают.

— А теперь понимаю... можно уехать на другой конец света и взять с собой все свои страхи, привычки и старые сценарии.

— Именно поэтому люди иногда меняют целую жизнь, но продолжают проживать одну и ту же историю...

Ветер осторожно качнул сирень.

— Значит, дело не в месте?

— Однозначно. Самые длинные путешествия человек совершает не по карте мира, а внутри собственного сознания.

Наташа глубоко вдохнула прохладный ночной воздух.

— Получается, свобода начинается не тогда, когда открываются новые двери... —... а тогда, когда исчезает необходимость всё время убегать от себя. Когда человек перестаёт притворяться кем-то другим и наконец разрешает себе жить в согласии со своим сердцем.

Женя посмотрела на звёзды.

— Знаешь, свобода редко приходит сразу. Обычно она начинается с маленьких вещей.

— Например?

— Один раз честно сказать «нет», перестать оправдываться, выбрать себя вместо страха или один раз не повторить старую реакцию.

Она улыбнулась.

— Из таких маленьких выборов постепенно складывается совершенно другая жизнь...

Наташа ничего не ответила. Почему-то именно сейчас эти слова прозвучали особенно правдиво. Несколько мгновений между ними жила тишина. За соснами ровно шумело море, прислушиваясь к разговору прибалтийских сосен. Наташа поднесла кружку к губам и улыбнулась.

— Чай остыл.

Женя тоже сделала глоток.

— И мой.

Они переглянулись.

— Кажется, пришло время тяжёлой артиллерии.

— Это какой?

— Садового камина.

Они медленно пошли по дорожке между клумбами. Сирень провожала их густым ароматом, а прохладный ветер осторожно перебирал листья деревьев. Небольшой камин стоял в глубине сада на круглой каменной площадке. Наташа принесла несколько берёзовых поленьев, а Женя ловко разожгла огонь. Первые языки пламени вспыхнули в темноте, словно приглашая начать следующий разговор.

Огонь постепенно разгорался. Берёзовые поленья тихо потрескивали, время от времени выбрасывая в ночное небо россыпь золотистых искр. Они поднимались всё выше, словно на мгновение превращались в маленькие звёзды, а потом растворялись в темноте.

Женщины снова укутались в пледы и устроились возле камина. От огня сразу стало теплее. Казалось, вместе с теплом пришло и какое-то особое спокойствие. Разговор больше не требовал спешки.

ГЛАВА 9

Почему человек выбирает несвободу

Наташа долго смотрела на пламя. Женя подбросила в огонь ещё одно полено и продолжила.

— Настоящая свобода редко начинается со слов «я могу». Гораздо чаще она начинается со слов «я больше не обязана».

Наташа не ответила сразу. Она опустила взгляд, словно примеряя услышанное к собственной жизни.

— То есть я не обязана всем нравиться, постоянно оправдываться и соответствовать чужим ожиданиям?

— Именно. И эти маленькие «не обязана» однажды превращаются в большое «я выбираю».

Несколько секунд они молча смотрели, как пламя медленно превращает дерево в угли.

— Получается, свобода не делает жизнь проще? — тихо спросила Наташа.

— Не всегда.

— Тогда зачем она?

Женя некоторое время молчала.

— Потому что только свободный человек может прожить свою жизнь, а не чужой сценарий.

Огонь спокойно потрескивал между ними. Наташа долго смотрела на языки пламени.

— Тогда почему так мало людей действительно становятся свободными?

Женя осторожно подвинула полено ближе к центру камина. Пламя сразу ожило.

— Потому что свобода требует смелости.

— Смелости сделать что?

— Иногда нужно сказать «нет», иногда уйти, иногда остаться, а иногда честно признаться себе, что ты давно несчастлива. Но чаще всего свобода требует отказаться не от людей, а от привычной версии самой себя.

Наташа провела пальцами по краю чашки и на несколько секунд ушла в свои мысли.

— Получается, человек боится не перемен?

— Чаще всего нет, он боится потерять ощущение предсказуемости.

Она подняла взгляд на подругу.

— Представь птицу, которая всю жизнь прожила в просторной клетке. Дверца однажды открылась. Но птица не вылетает.

— Потому что боится?

— Потому что за пределами клетки неизвестность, а внутри всё знакомо.

Несколько мгновений между ними жила тишина.

— Мне кажется, Социальный Конструктор, если назвать эту часть Матрицы точнее, редко удерживает человека силой, — продолжила Женя. — Он гораздо чаще предлагает привычное.

— Как это?

— Очень просто.

Внутри один за другим звучат знакомые запреты: не рискуй; потерпи ещё немного; сейчас неподходящее время; все так живут; не выделяйся; подумай, что скажут люди.

Наташа грустно улыбнулась.

— Самое странное, что все эти фразы действительно звучат как мои собственные мысли.

— В этом и заключается их сила.

— Получается, ловушка никогда не говорит: «Я ловушка»?

Женя рассмеялась.

— Конечно нет, чаще всего она приходит в костюме здравого смысла и говорит голосом, которому мы привыкли доверять.

Обе улыбнулись. Огонь постепенно превращал поленья в светящиеся угли. Наташа смотрела на них и вдруг подумала, что старые убеждения очень похожи на эти брёвна. Пока они целые, кажется, будто ничего не меняется. Но стоит огню понимания коснуться их хотя бы однажды, обратного пути уже нет. Они ещё сохраняют прежнюю форму, но внутри уже становятся совсем другими. Женя словно уловила её мысль.

— Вот почему настоящее пробуждение невозможно отменить.

— Почему?

— Человек может снова испугаться, сделать шаг назад, ещё долго сомневаться, но уже не сможет по-настоящему поверить, будто ничего не увидел.

Над камином снова взметнулся маленький сноп искр. Они медленно поднялись вверх и растворились среди звёзд. Некоторое время подруги молчали. Каждая думала о своём. Наконец Наташа тихо сказала:

— Значит... несвобода — это не тюрьма.

Женя посмотрела на неё.

— Нет.

— Тогда что?

— Привычка, — она улыбнулась. — И хорошая новость в том, что любую привычку однажды можно изменить.

Ночь становилась всё тише. Огонь уже не вздымался высокими языками пламени. Он горел спокойно и ровно, словно тоже устал спорить и теперь просто отдавал накопленное

тепло. Поленья медленно превращались в раскалённые угли, сохраняя очертания дерева, которым были совсем недавно. Наташа долго смотрела на них.

— Знаешь... мне кажется, я начинаю понимать.

Женя вопросительно посмотрела на неё.

— Раньше я думала, что несвобода приходит извне: от родителей, начальников, обстоятельств. А теперь понимаю, как часто она живёт внутри меня самой.

Женя кивнула.

— Поэтому её и трудно заметить. Всё внешнее мы видим сразу, а к внутреннему привыкаем настолько, что перестаём его замечать.

Наташа задумчиво провела ладонью по кружке.

— Получается... человек может годами жить в клетке, дверь которой давно открыта?

— Может.

— Почему?

Женя не ответила сразу.

— Потому что однажды эта клетка начинает казаться домом.

Несколько секунд они молчали. За соснами ровно шумело море. Ветер осторожно перебирал листья сирени, а где-то совсем рядом в темноте тихо стрекотали сверчки.

— Наверное, поэтому некоторые люди так яростно защищают свои убеждения, даже если именно они делают их несчастными, — тихо сказала Наташа.

— Да, потому что отказаться от старой картины мира иногда страшнее, чем продолжать страдать.

Огонь тихо потрескивал между ними.

— Получается... система удерживает не стенами.

— Нет.

— Тогда чем?

Женя улыбнулась, но отвечать сразу не стала.

— Привычкой.

Она подняла небольшую веточку, лежавшую рядом с камином, и бросила её в огонь. Пламя сразу оживо.

— Любая привычка сначала кажется удобством, потом превращается в необходимость, а затем начинает выглядеть единственно возможной реальностью.

Наташа внимательно слушала.

— Поэтому человеку бывает так трудно изменить жизнь не из-за слабости и не потому, что ему чего-то не хватает, а потому, что привычная версия себя кажется безопаснее неизвестности.

Над камином снова взметнулся сноп искр. Они медленно поднялись вверх, смешались со звёздным небом и исчезли среди бесконечной темноты. Наташа долго смотрела им вслед.

— Значит... настоящая борьба происходит не между человеком и системой.

— Нет.

— А между человеком сегодняшним и человеком, которым он может стать.

По лицу Жени скользнула спокойная улыбка.

— Мне нравится эта мысль.

На несколько мгновений разговор стих. Каждая думала о своём. Пламя становилось всё ниже. Вместо высоких языков огня светились красноватые угли, которые больше никуда не стремились, а просто отдавали тепло. Женя посмотрела на них и тихо сказала:

— Наверное, свобода очень похожа на этот огонь.

— Чем?

— Пока её только разжигаешь, приходится постоянно подкладывать дрова, но однажды она начинает гореть сама.

— Значит, главное — не дать ей погаснуть.

— Да. Главное, чтобы однажды внутренний огонь перестал зависеть от чужого разрешения.

Где-то далеко за соснами начал светлеть горизонт. Ночь ещё не закончилась, но уже чувствовалось приближение рассвета. Женя посмотрела на часы.

— Кажется, сегодня мы действительно прожили несколько маленьких жизней.

— И знаешь... — тихо сказала Наташа, поднимаясь со стула. — Мне почему-то совсем не хочется искать готовые ответы.

— Почему?

— Потому что сегодня я поняла одну важную вещь.

— Какую?

— Иногда самый правильный ответ начинается с вопроса, который человек наконец осмелился задать самому себе.

Женя ничего не ответила, она только улыбнулась. Иногда молчание говорило намного больше любых слов. Они медленно пошли по дорожке к дому. Позади ещё долго потрескивал садовый камин, а над садом постепенно рождалось новое утро, спокойное, светлое и удивительно тихое, словно сама ночь благословила их на следующий шаг большого путешествия.

ГЛАВА 10

Самая древняя программа Матрицы

Следующий день прошёл почти бесшумно. После бессонной ночи они долго спали, поздно завтракали, прогулялись к морю и почти не касались серьёзных тем. Казалось, даже мыслям иногда нужен отдых, чтобы всё услышанное успело улечься внутри.

Только к вечеру, когда дневное тепло начало отступать, сад снова наполнился прохладой, а на веранде зажёгся мягкий свет, разговор вернулся сам собой.

Наташа устроилась в кресле, подтянула к плечам плед и некоторое время смотрела на темнеющее небо.

— Жень, знаешь, чего я иногда боюсь больше всего?

— Чего?

Наташа ненадолго задумалась.

— Что однажды мне чего-нибудь не хватит. И я сейчас даже не только о деньгах. Времени, любви, здоровья, сил, возможностей. Иногда у меня вообще появляется странное ощущение, будто самой жизни не хватит на всё, что я хочу успеть.

Женя внимательно посмотрела на неё.

— Вот мы и подошли к одной из самых древних программ Матрицы.

Ночной ветер осторожно качнул сирень. Где-то за соснами ровно шумело море.

— Почему древней?

— Потому что на ней построено огромное количество человеческих решений.

— На страхе?

Женя немного помолчала.

— Ещё глубже. На ощущении нехватки.

Наташа вопросительно посмотрела на неё.

— Объясни.

— Представь человека, которому всё время кажется, что воздуха становится меньше. Окно может быть открыто настежь, но он всё равно будет дышать тревожно, будто следующий вдох ему уже не гарантирован.

— Но ведь воздуха хватает.

— Хватает. Только проблема уже не снаружи. Она внутри, в недоверии к самой жизни.

Огонь спокойно потрескивал в камине. Наташа на несколько секунд задержала взгляд на пламени.

— Получается, человек может начать защищаться ещё до того, как появилась настоящая опасность?

— Конечно. И очень часто именно так и происходит. Он спешит, копит, контролирует, сравнивает себя с другими, пытается предусмотреть всё заранее. Не потому, что прямо сейчас ему действительно чего-то недостаёт, а потому, что где-то внутри давно живёт мысль: «А вдруг потом не будет?»

Наташа медленно покрутила кружку в ладонях.

— Странно... Если подумать, очень многие решения действительно принимаются из этого состояния.

— Например?

— Работа. Можно годами оставаться там, где давно плохо, потому что страшно не найти другую.

Женя кивнула.

— Отношения тоже.

— Потому что кажется, что другой любви уже не будет.

— Деньги.

— Потому что страшно однажды остаться без опоры.

— Даже время.

Наташа усмехнулась.

— Это вообще моё любимое. Вечно куда-то тороплюсь, будто если остановлюсь на полчаса, жизнь уйдёт без меня.

Женя улыбнулась.

— Вот видишь. Формы разные, а основа одна.

Ветер прошёл по саду, и пламя свечи слегка качнулось.

— Получается, дефицит не обязательно связан с реальной нехваткой?

— Совсем не обязательно. Иногда у человека достаточно денег, но он живёт так, будто завтра всё исчезнет. Есть любовь, но он боится её потерять. Есть свободное время, но он заполняет каждую минуту делами, потому что не умеет просто быть.

Наташа задумалась.

— То есть можно жить в достатке и всё равно чувствовать себя бедным?

— Конечно.

Женя взяла сухую веточку и бросила её в огонь. Та вспыхнула почти мгновенно.

— Представь двух людей с одинаковым доходом. Один спокойно планирует расходы, знает, что справится, умеет получать удовольствие от того, что есть. Другой каждое утро просыпается с мыслью, что завтра всё закончится. Внешне цифры одинаковые. Внутри они живут в совершенно разных реальностях.

— И потом начинают принимать разные решения.

— Вот в этом главное. Внутреннее состояние влияет не только на то, как человек себя чувствует. Оно влияет на то, что он замечает, кого выбирает, чего избегает, на что соглашается и куда направляет свою энергию.

Наташа некоторое время смотрела на огонь.

— Тогда самая глубокая бедность действительно начинается не в кошельке.

Женя кивнула.

— Она начинается там, где человек привыкает смотреть на мир так, будто жизни всегда недостаточно.

Несколько мгновений между ними жила тишина.

Сирень продолжала благоухать над садом, а за соснами ровно дышало море. Ночь постепенно становилась глубже.

— И самое неприятное, — тихо сказала Наташа, — что человек, наверное, даже не замечает, что живёт именно так.

— Очень часто не замечает.

— Почему?

— Потому что любая программа, если она живёт внутри достаточно долго, перестаёт ощущаться как программа.

Женя посмотрела на неё.

— Она начинает звучать как собственный голос.

Наташа слегка нахмурилась.

— То есть я могу говорить: «Я просто такая», хотя на самом деле это старый страх?

— Именно. «Я просто должна всё контролировать». «Я такая ответственная». «Я не умею отдыхать». «Я не могу уйти». «Мне всегда нужно иметь запас». Человек называет это характером, здравым смыслом, осторожностью. А иногда за всем этим стоит одна старая мысль: «Если я перестану держать всё в руках, мне не хватит».

Наташа медленно провела большим пальцем по краю кружки.

— Тогда многое становится понятнее.

— Что именно?

— Почему люди покупают вещи на всякий случай. Почему хранят то, чем никогда не пользуются. Почему соглашаются на большее количество работы, хотя уже совершенно вымотаны. Почему даже отдых иногда превращают в проект, который надо правильно организовать.

Женя рассмеялась.

— Вот это уже очень точное наблюдение.

— Потому что даже отдыхать страшно. Кажется, что пока ты отдыхаешь, кто-то другой уже что-то успевает.

— И здесь программа нехватки соединяется со сравнением.

— То есть мало не просто мне, а мне мало по сравнению с другими?

— Иногда именно так.

Женя немного подалась вперёд.

— Человек смотрит вокруг и видит: у кого-то больше денег, выше должность, красивее дом, интереснее путешествия, лучше отношения. И даже если пять минут назад он был доволен своей жизнью, вдруг возникает ощущение, что с ней что-то не так.

Наташа усмехнулась.

— Потому что кто-то уже живёт лучше.

— Или просто показывает ту часть жизни, которая выглядит лучше.

Несколько секунд они молчали.

— Значит, одна из самых древних программ строится не на том, что у человека действительно мало, а на том, что ему всё время кажется: мало.

— Именно.

— И он начинает бесконечно добирать.

— Деньги, впечатления, знания, вещи, признание, отношения. Но если сама программа остаётся внутри, количество почти ничего не меняет.

Наташа подняла на неё глаза.

— Потому что вопрос всегда будет один: «А вдруг этого недостаточно?»

— Да.

Эта фраза осталась между ними. Наташа долго смотрела на огонь. Потом тихо сказала:

— Знаешь... я сейчас вдруг поняла одну странную вещь.

— Какую?

— Мне кажется, дело у меня никогда не было в деньгах.

Женя не стала отвечать сразу.

— А в чём?

Наташа опустила взгляд на кружку.

— Я всё время боюсь, что не успею.

— Что именно?

— Жить.

Она сама словно впервые услышала произнесённое слово.

— Мне кажется, будто нужно ещё столько всего сделать, увидеть, попробовать, понять. И если я остановлюсь, если что-то пропущу, если не успею сейчас, потом уже будет поздно.

Женя смотрела на неё молча. Наташа продолжила:

— Поэтому я всё время спешу. Даже когда спешить некуда. Иногда планирую следующий день, пока ещё не закончился сегодняшний. Думаю о следующей поездке во время этой. О следующей цели, когда ещё не почувствовала радости от предыдущей.

Она усмехнулась, но в этой улыбке почти не было веселья.

— Получается, я так боюсь не успеть прожить жизнь, что всё время убегая из той жизни, которая происходит сейчас.

Женя ничего не сказала сразу. За соснами ровно шумело море. В камине негромко треснуло полено, и несколько искр поднялись в темноту.

— Вот это, мне кажется, и есть настоящее лицо дефицита, — наконец произнесла она. — Не отсутствие денег. Не отсутствие времени. А ощущение, будто сама жизнь может однажды закончиться раньше, чем ты разрешишь себе в ней присутствовать.

Наташа долго смотрела на огонь.

— И что с этим делать?

— Для начала увидеть.

— И всё?

— Это уже очень много.

Женя чуть улыбнулась.

— Программу невозможно изменить, пока ты уверена, что она и есть ты. Но в тот момент, когда ты замечаешь: «Вот сейчас говорит мой страх нехватки», между тобой и этой мыслью появляется расстояние.

— И я уже могу не делать то, что она требует.

— Да. Можно не брать лишнюю работу только потому, что вдруг страшно. Не покупать вещь «на всякий случай». Не соглашаться на отношения из страха одиночества. Не заполнять каждую минуту только потому, что кажется, будто отдых является потерей времени.

Наташа задумалась.

— То есть вопрос не в том, чтобы убедить себя, что всего всегда будет достаточно.

— Нет. Жизнь действительно бывает разной. Иногда ресурсов мало. Иногда человек теряет деньги, отношения, здоровье, возможности. Осознанность не отменяет реальность.

Женя посмотрела на огонь.

— Но одно дело отвечать на реальную ситуацию, а другое всю жизнь готовиться к беде, которая ещё не случилась.

Наташа медленно кивнула. Это различие ей понравилось.

— Тогда достаточность не означает: «У меня всегда будет всё».

— Нет.

— А что?

Женя задумалась.

— Наверное: «Сейчас я вижу то, что у меня есть, и не проживаю каждую минуту так, будто уже всё потеряла».

Наташа глубоко вдохнула. Слова оказались удивительно простыми. И именно поэтому в них было что-то успокаивающее.

Некоторое время они молча смотрели на камин. Огонь постепенно становился ниже. Яркие языки пламени исчезали, оставляя после себя красноватые угли.

Наташа вдруг подумала, что весь вечер они говорили о нехватке, а вокруг в это время было столько всего: густой аромат сирени, тёплая кружка в ладонях, звёзды над садом, море за соснами, человек рядом.

Ничего из этого она не создавала. Ничего не заслуживала. Оно просто было.

— Странно, — тихо сказала она.

— Что?

— Я всё время боялась, что мне чего-то не хватит, и почти не замечала того, чего уже достаточно.

Женя улыбнулась. На этот раз отвечать не потребовалось.

Огонь постепенно затихал. Поленья превратились в ровно светящиеся угли, а последние искры одна за другой растворялись в ночном воздухе. Женя поднялась первой и набросила плед на плечи.

— Пойдём. Уже почти утро.

Наташа посмотрела в сторону сада. За соснами едва заметно светлела полоска горизонта. Ночь ещё держалась за землю, но звёзды понемногу бледнели, словно уступали место новому дню.

Они медленно пошли по узкой дорожке к дому. Под ногами тихо похрустывал гравий, в высокой траве стрекотали последние ночные сверчки, а прохладный ветер приносил запах моря.

Наташа шла молча. Ей вдруг стало ясно, что ощущение нехватки действительно редко приходило извне. Оно рождалось внутри и только потом превращалось в спешку, тревогу, желание всё предусмотреть и постоянный страх что-то потерять.

Она остановилась на мгновение и подняла голову. Над соснами ещё оставались несколько ярких звёзд. Впервые мысль о том, что жизнь ограничена, не напугала её.

Наоборот. Именно потому, что жизнь не бесконечна, её не стоило всё время откладывать. Не нужно было успеть всё. Нужно было успеть быть в ней. Наташа неожиданно улыбнулась.

— Жень...

— Что?

— Кажется, я поняла разницу.

— Между чем?

— Между «мне мало жизни» и «я живу».

Женя посмотрела на неё и тоже улыбнулась. Больше они ничего не сказали. Подруги поднялись на крыльцо. Старые деревянные ступени тихо скрипнули под ногами. Женя открыла дверь, и тёплый свет прихожей лёг на садовую дорожку.

Позади оставались сад, угасающие угли и одна длинная ночь. А впереди начинался новый день. И на этот раз Наташе впервые не хотелось торопить его.

ГЛАВА 11

Архитекторы реальности

Новый вечер пришёл тихо и незаметно, будто с прошлого разговора прошла не одна ночь, а целая маленькая вечность. День растворялся в золотисто-розовом сиянии заката. Над Саулкрасте медленно опускалась прозрачная синяя дымка, а Балтийское море за соснами дышало своим вечным размеренным дыханием.

Терраса словно помнила вчерашний разговор. Пледы по-прежнему лежали на креслах, а на старом деревянном столике уже дымился свежесваренный чай. Наташа первой вышла в сад с большой кружкой в руках и остановилась, глядя на вечернее небо.

— Всё. Я готова к очередному разрушению привычной картины мира, — сказала она, устраиваясь в кресле и подтягивая плед к подбородку.

Женя улыбнулась. Она разлила чай по чашкам и на мгновение подняла взгляд к небу. Иногда ей казалось, что настоящая жизнь прячется именно в таких вечерах. Не в суете городов и бесконечных новостях, а здесь, среди аромата цветов, шелеста деревьев и тишины, в которой наконец можно услышать собственные мысли.

Свеча на столе дрогнула от лёгкого ветерка. Огонёк качнулся, осветив букет полевых цветов в стеклянной вазе.

— Сядь поуютнее, — тихо сказала Женя. — Эта история не из тех, которые нужно доказывать. Её лучше слушать так, как слушают море. Ты же не споришь с волнами?

— Пока нет.

— Вот и хорошо.

— Легенды говорят, что Архитекторы не живут где-то среди звёзд, — начала Женя. — Их нельзя увидеть через телескоп. Их миры находятся не в пространстве, а скорее внутри самих законов Вселенной.

— Это как? — Наташа сразу насторожилась.

— Представь музыку.

— Так.

— Ты слышишь мелодию, но не видишь сам закон гармонии. Ты видишь волны моря, но не видишь закон притяжения Луны. Ты видишь дерево, но не видишь ту силу, которая заставляет семя становиться сосной.

— Получается, Создатели похожи на сами законы? — Наташа задумалась

— Возможно, это уровень сознания и знаний, который открывается далеко не каждому, — Женя сделала глоток чая.

— В разных традициях их называли по-разному: Ткачами Путей, Хранителями Частот, Картографами Вероятностей, Создателями Снов, Архитекторами Реальности. В некоторых

мистических школах считалось, что они появились ещё до рождения звёзд. Именно поэтому многие люди представляли их существами, живущими среди звёзд, хотя древние предания говорят совсем о другом.

Вечер становился всё темнее. Над морем одна за другой загорались первые звёзды.

— До рождения звёзд?

— Так говорят мудрецы, — Женя смотрела куда-то вверх сада.

— Согласно этим представлениям, прежде чем появилась материя, существовало только бесконечное Единое Сознание... И однажды оно захотело увидеть себя с разных сторон.

— И что произошло?

— Тогда появились первые Ткачи.

— Архитекторы?

— Да, — она ненадолго замолчала.

— Представь огромный белый холст, абсолютно пустой. И вот кто-то делает на нём первый мазок, потом второй, потом появляются краски, формы, пространство, время, звёзды, планеты и бесконечное множество миров.

— Получается, они создали Вселенную? — Наташа задумчиво смотрела на небо.

— Возможно, они создали не саму Вселенную. А скорее, они создали правила, по которым она смогла родиться, — улыбнулась Женя.

Ветер снова качнул свечу. И где-то далеко за соснами море ответило протяжным спокойным вздохом небу.

— Звучит как названия очень странных профессий, — улыбнулась Наташа.

— Возможно, для Вселенной это вполне обычное резюме.

Ночь постепенно сгущалась вокруг террасы. За пределами круга света, который создавали свечи, сад растворялся в мягкой темноте, только иногда ветер касался ветвей сирени, и тогда из темноты доносился тихий шелест листьев. Казалось, они сидят в маленьком островке безопасности посреди бесконечного океана ночи, где можно говорить обо всём на свете и не бояться быть непонятой.

Женя поднесла кружку к губам и сделала небольшой глоток сладкого чая с листьями липы и черной смородины.

— По одной из древних гипотез Архитекторов никогда не считали богами. И уж тем более не считали няньками человечества, скорее мастерами условий. Теми, кто создаёт пространство, в котором жизнь может разворачиваться сама.

— Тогда что они делают? — спросила Наташа.

Женя не ответила сразу.

— Мне кажется, они не пишут человеческие судьбы.

— Совсем?

— Нет, скорее создают условия, в которых судьба может родиться.

— Не понимаю.

— Представь архитектора. Он проектирует дом, решает, где будут стены, окна, лестницы, двери. Но он не проживает жизнь за тех, кто потом поселится в этом доме. Один наполнит его музыкой, другой — ссорами, третий — детским смехом. Пространство одно и то же, а истории совершенно разные.

Наташа задумчиво кивнула.

— Значит, Архитекторы создают не события...

— ...а возможности. Они создают множество дорог. Но не выбирают, по какой из них идти. Именно поэтому свобода выбора остаётся у человека. Иначе опыт потерял бы смысл.

— Значит, они не вмешиваются?

— Возможно, и вмешиваются, но гораздо меньше, чем нам хотелось бы, — улыбнулась Женя. — Представь хорошего учителя. Если он всё время будет решать задачи вместо ученика, тот никогда не научится думать самостоятельно.

— Получается, помощь не всегда заключается в том, чтобы спасти?

— Иногда самая большая помощь — оставить человеку возможность сделать собственный выбор.

Наташа задумчиво смотрела на огонёк свечи. В голове всё ещё не укладывалась мысль, что за привычной человеческой жизнью может скрываться нечто гораздо большее. Что, возможно, существуют какие-то силы, закономерности или сознания, о которых люди почти ничего не знают.

Ночь становилась всё глубже. А их разговор только начинал открывать двери в ещё более удивительные истории.

— Последние месяцы у меня такое ощущение, будто в голове кто-то постоянно переставляет мебель. Очень трудно сосредоточиться. Иногда кажется, что всё плывёт, а иногда будто что-то невидимое давит изнутри.

Женя понимающе улыбнулась, она знала, что это Матрица продавливает так тех, кто готов выйти за её ограничения, чтобы ещё больше себе подчинить.

Они уже неспешно шли по садовой дорожке, впереди серебрилась гладь пруда, отражая звёзды. Ветер донёс запах цветущих яблонь.

— Иногда мне кажется, что человечество переживает время больших перемен, — тихо сказала Женя. — Старые представления постепенно перестают работать, и люди всё чаще начинают задавать вопросы, которых раньше избегали.

Она ненадолго замолчала.

— Бывает ощущение, будто жизнь понемногу приоткрывает занавес, позволяя увидеть чуть больше, чем раньше. Не всю картину целиком, а лишь столько, сколько человек действительно готов понять.

Некоторое время они шли молча. Сверчки стрекотали где-то в траве. Пруд тихо поблёскивал в темноте.

— Ты говорила про Картографов Вероятностей, — вспомнила Наташа.

— Да.

— Красивое название.

— Мне тоже нравится.

— По легендам они не заставляют и не приказывают. Они просто создают множество возможных дорог, — Женя улыбнулась.

— Как навигатор судьбы?

— Примерно так.

— Только без команды: «Через триста метров поверните направо».

— Хотя иногда жизнь именно так и делает.

Смех подхватил их одновременно, легко снимая серьёзность последних слов.

— Значит, они лишь показывают возможности?

— Верно, а оценку «хорошо» или «плохо» человек придумывает уже сам.

Они обошли пруд и направились к старой калитке. За ней начиналась липовая аллея. Ночные ароматы там были совсем другими. Если возле дома царствовали сирень и жасмин, то здесь воздух был наполнен густым медовым дыханием липы. Высокие стволы уходили в темноту, а широкая дорожка между ними вела к лесной опушке. Там уже цвела земляника. Пока ещё почти незаметная, с маленькими белыми цветами, обещающими скорое лето.

— Знаешь, что мне кажется самым важным во всех этих историях? — тихо сказала Женя.

— Что?

— На самом деле Архитекторов почти никогда не делят на добрых и злых.

Наташа удивлённо посмотрела на неё.

— Почему?

— Потому что добро и зло — это человеческий взгляд на вещи. Очень земной, как свет и тьма, как сама дуальность.

Они медленно шли по аллее. Луна на мгновение показалась между облаками и серебром осветила дорожку.

— А какие они тогда?

— Наверное, нейтральные, — Женя задумалась.

— То есть безразличные?

— Не совсем.

— Представь океан. Он не добрый и не злой. Он просто существует, но внутри него может родиться и шторм, и спокойная гладь, — Она медленно провела ладонью по шершавой коре липы и ненадолго замолчала, словно прислушиваясь к чему-то, что невозможно было услышать обычным слухом.

Наташа долго молчала.

— Получается, для них мы... кто?

— Путешественники, — улыбнулась Женя. — Исследователи. Души, которые пришли прожить свой опыт.

— И поэтому существуют правила?

Женя кивнула.

— Безусловно, представь игру, в которой можно делать всё, что угодно и ни одно действие не имеет последствий. Очень быстро играть станет бессмысленно. Именно правила превращают хаос в путь, они не отнимают свободу, они делают её настоящей.

Наташа задумчиво молчала. Ветер тихо перебирал листья лип, а над аллеей одна за другой загорались звёзды. Впервые ей пришла в голову простая мысль: возможно, правила существуют не для того, чтобы ограничивать человека, а для того, чтобы каждый его выбор действительно что-то значил.

Вдруг где-то совсем рядом громко ухнула сова. Наташа вздрогнула и невольно подскочила, уронив с плеч плед.

— Мне кажется, она сейчас тоже решила поучаствовать в разговоре.

— Возможно, — улыбнулась Женя. — Или просто напомнила, что на сегодня информации достаточно.

Они переглянулись и неторопливо пошли дальше по аллее. Позади осталась старая липа, тихо шелестевшая в ночном ветре. Где-то снова негромко ухнула сова, словно ставя точку в их разговоре. А впереди их ждала ночь, и новые вопросы, ответы на которые приходят только к тем, кто не боится их задавать.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Они давно вышли из липовой аллеи. Позади остались деревья, под которыми разговоры казались особенно глубокими. Теперь узкая тропинка вела через сад к дому, а впереди тёплыми золотистыми огоньками светились окна веранды.

Ночь становилась тише. Воздух был наполнен прохладой, ароматом влажной травы, молодой сирени и первых цветков жасмина. Где-то возле пруда тихо плеснулась рыба. На несколько секунд круги разошлись по зеркальной поверхности воды, размывая отражения звёзд.

Подруги почти не разговаривали. После некоторых бесед слова становятся лишними. Всё самое важное продолжает звучать внутри человека ещё долго после того, как разговор закончился.

Они медленно шли по садовой дорожке. Ветер осторожно касался ветвей яблонь, словно перелистывал невидимые страницы этого вечера. Изредка где-то в траве отзывался сверчок, а море за соснами продолжало своё спокойное, вечное дыхание.

Наташа вдруг остановилась и оглянулась назад. В темноте уже почти невозможно было различить аллею, по которой они гуляли весь вечер, только смутные силуэты деревьев напоминали о том, что совсем недавно здесь звучали вопросы, рождались ответы и открывались двери в мир, о существовании которого она прежде даже не задумывалась.

Она неожиданно улыбнулась. Иногда путешествие заканчивается не тогда, когда человек приходит домой, а тогда, когда внутри него становится немного больше тишины.

Они открыли калитку. Старое дерево тихо скрипнуло, словно приветствуя своих хозяек. Дом встретил их мягким светом. Впереди была целая неделя обычной жизни. И этого оказалось достаточно.

ГЛАВА 12

Мышеловки для больших девочек

Пролетела ещё одна рабочая неделя. Город снова закрутил их в привычном круговороте дел, звонков, встреч, покупок, забот о семье и бесконечных списков того, что обязательно нужно успеть. Казалось, совсем недавно они сидели на веранде под звёздным небом, разговаривали о Матрице, Архитекторах Реальности и тайнах человеческой души, а между тем прошло уже несколько дней.

Жизнь вновь напомнила о своих правилах. Нужно было работать, решать бытовые вопросы, заботиться о близких, выполнять десятки больших и маленьких обязанностей, из которых и складывается взрослая жизнь. Но где-то внутри обе женщины уже ждали следующих выходных.

Мужья давно собирались на рыбалку и наконец нашли для этого подходящий повод. Дети тоже с радостью поддержали эту затею. Поэтому план на ближайшие два дня сложился сам собой.

Мужская часть семейства отправлялась покорять озёра и рассказывать друг другу истории про невероятных рыб, которые всегда срываются с крючка в последний момент. А Наташа и Женя, переглянувшись, почти одновременно решили, что у них есть планы куда интереснее.

Их ждал старый дачный дом среди сосен. Ждал сад, который за неделю успел стать ещё зеленее. Ждали жасминовые вечера, чашки ароматного чая на веранде, прогулки к морю и те самые разговоры, которые почему-то никогда не получаются в городе.

Собрались быстро. Несколько книг, пледы на случай прохладного вечера, корзинка с продуктами, любимые кружки и множество ещё не заданных вопросов, которые обязательно найдут друг друга где-нибудь между закатом и звёздами.

Когда последние сумки заняли свои места в багажнике, Наташа довольно хлопнула дверцей машины.

— Ну что, снова сбегаете ото всех и запираетесь на даче?

Женя рассмеялась, устраиваясь за рулём.

— Не сбегаете. Просто едем изучать себя в более комфортных условиях.

Через несколько минут город остался позади, а впереди потянулась знакомая дорога к морю.

— Посмотри на всех этих людей, — задумчиво сказала Наташа, глядя на бесконечную вереницу автомобилей впереди. — Каждую пятницу одно и то же. Город буквально выплёвывает людей на дачи...

Женя улыбнулась, не отрывая взгляда от дороги. Машина медленно двигалась в плотном потоке. Солнечные блики скользили по капотам впереди идущих автомобилей, отражались в зеркалах и исчезали где-то в раскалённом вечернем воздухе.

— Потому что даже самые уставшие души всё равно помнят, что им нужна природа.

Наташа посмотрела в окно. За стеклом медленно проплывали поля, молодые берёзовые рощицы и редкие деревенские дома.

— Странно, правда? — сказала она. — Мы всю неделю живём среди бетона, стекла, экранов, машин, а потом вдруг готовы несколько часов стоять в пробке ради того, чтобы посидеть на даче и посмотреть на куст смородины.

Женя улыбнулась, но отвечать сразу не стала.

— Потому что человек появился не среди асфальта. Наше тело, наша психика, наши чувства помнят совсем другой мир: лес, реку, ветер, землю под ногами, живой огонь. Где-то глубоко внутри мы всё ещё остаёмся детьми природы.

Машина медленно продвигалась вперёд. Солнечные блики скользили по лобовому стеклу, а впереди всё так же тянулась длинная цепочка автомобилей.

— Если честно, идеальный отдых для души — это вообще палатка где-нибудь на берегу лесного озера, — продолжила Женя. — Чтобы не было ни асфальта, ни рекламы, ни телефонов, только вода, деревья, звёзды и костёр.

— Сказала женщина, которая через два часа будет проверять, работает ли на даче вай-фай, — рассмеялась Наташа.

— Я не говорила, что уже достигла просветления.

Они переглянулись и рассмеялись, как это бывает между людьми, которым не нужно долго объяснять друг другу шутку.

— Но знаешь, в этом есть что-то очень важное, — уже серьёзнее добавила Женя. — В городе человек постоянно подключён к огромному количеству чужих мыслей, ожиданий, правил и сигналов. А природа словно возвращает его к исходным настройкам. Напоминает, каким он был до всей этой суеты.

За окном мелькнула сосновая роща, и на мгновение салон наполнился запахом нагретой смолы.

— Иногда мне кажется, что природа очень быстро возвращает человека к самому себе, — задумчиво сказала Женя. — Там почти нет человеческих программ. Деревья не соревнуются друг с другом. Река не пытается доказать свою значимость. Облака не переживают, достаточно ли они успешны. Всё просто течёт...

Наташа улыбнулась и удобнее устроилась в кресле.

— Получается, мы едем не на дачу.

— А куда?

— На сеанс восстановления заводских настроек.

— И на шашлык, — задорно рассмеялась Женя. — Это древняя форма заземления.

— И шашлык тоже, — Наташа хитро покосилась на заднее сиденье, где среди пледов, книг и пакетов прятался ещё один её маленький сюрприз, о котором Женя пока ничего не знала.

Тёплый воздух врывается в приоткрытые окна. Он пах нагретой травой, придорожной пылью, сосновой смолой и чем-то неувлимым, что всегда появляется в конце рабочей недели и больше всего напоминает свободу.

Постепенно город оставался позади. Высотные дома становились всё реже. Их место занимали поля, небольшие рожицы и редкие деревенские дома с аккуратными садами. Дорога становилась свободнее, а вместе с ней словно отпускало и внутреннее напряжение.

Машину слегка покачивало на стыках асфальта. Иногда она мягко подпрыгивала на небольших неровностях, и тогда Наташа смеялась:

— Такое ощущение, что мы едем не по дороге, а по огромной гладильной доске.

— Хорошо ещё не по стиральной, — усмехнулась Женя.

Колёса негромко гудели по шоссе. Размеренный ритм дороги постепенно убаюкивал мысли. Хотелось просто смотреть в окно и никуда не спешить. Солнце медленно опускалось к горизонту. Небо наливалось медовыми и розовыми оттенками. Свет становился мягче, словно кто-то приглушал яркость большого небесного экрана перед началом вечернего фильма.

Женя на несколько секунд задумалась, наблюдая, как золотые полосы света скользят по верхушкам сосен.

— Знаешь, иногда мне кажется, что люди рождаются совершенно свободными.

Наташа повернулась к ней.

— А потом?

Женя чуть заметно вздохнула. Ветер снова качнул волосы, залетевшие в салон через окно.

— А потом начинается очень тонкая дрессировка Матрицы.

За окном мелькнула стая птиц. Они поднялись над полем и тут же растворились в закатном свете.

— Посмотри на маленьких детей, — продолжила Женя. — Они же приходят в этот мир абсолютно живыми. У них в глазах ещё целая Вселенная. Они смеются так, как хочется смеяться. Плачут, если больно. Задают вопросы, на которые взрослые давно перестали искать ответы. Разговаривают с деревьями, с облаками, с воображаемыми друзьями и совершенно не переживают, что кто-то подумает о них странно.

— А потом взрослые объясняют им, что разговаривать с деревьями ненормально, — улыбнулась Наташа.

— Именно.

Машина плавно свернула на загородную дорогу. Асфальт здесь был уже не таким ровным. Колёса то и дело попадали в мелкие волны покрытия, и автомобиль покачивался мягко и размеренно, словно плыл по невидимому морю.

По обе стороны дороги всё чаще появлялись сосны. Их тёмные стволы вспыхивали золотом в лучах заходящего солнца и тут же снова уходили в тень.

— И буквально за несколько лет ребёнок уже знает, что «так нельзя», «так стыдно», «не выделяйся», «будь удобным», «любовь нужно заслужить».

Наташа тяжело вздохнула и поправила выбившуюся прядь волос, которую ветер постоянно бросал ей на лицо.

— Господи... ведь правда.

— Поле знаний говорит, что этой системе даже не нужны надзиратели. У неё есть воспитание.

Впереди показался знакомый поворот. Где-то совсем рядом уже чувствовалось море. Его ещё не было видно, но воздух постепенно менялся. В нём появлялась особая прохлада и лёгкий солоноватый привкус, который невозможно перепутать ни с чем другим. Женя улыбнулась, до дачи оставалось совсем немного.

Женя на мгновение посмотрела на навигатор, потом на дорогу впереди и неожиданно улыбнулась.

— Слушай, а давай сначала к морю?

— Я как раз хотела предложить то же самое. — Наташа даже не удивилась.

Через несколько минут машина свернула на знакомую грунтовую площадку среди сосен. Здесь уже почти не было людей. Рабочая неделя закончилась совсем недавно, и большинство дачников ещё только добирались до своих участков.

Подруги выбрались из машины и с удовольствием потянулись. После долгой дороги тело немного затекло. Хотелось двигаться, дышать и смотреть вдаль. Сосновая тропинка вывела их к дюнам. И вот тогда они снова увидели Балтийское море.

Оно лежало перед ними огромное, спокойное и бесконечное. Вечернее солнце уже опускалось к горизонту, окрашивая воду в золото, медь и мягкие розовые оттенки. Казалось, будто кто-то растянул между небом и землёй огромную живую картину, которая каждую секунду меняется и никогда не повторяется.

Некоторое время они, как всегда, стояли молча, потому что море не любило суеты. Оно словно просило остановиться, посмотреть вокруг и вспомнить о чём-то важном. Потом Наташа первой сбросила босоножки.

Через минуту обе уже шли вдоль самой кромки воды, держа обувь в руках. Балтийское море встретило их привычно. Ледяной водой. Первая волна коснулась ног, и Наташа тут же взвизгнула.

— Господи, она же холоднее зимнего холодильника!

Женя рассмеялась.

— Каждый год одно и то же.

Но выходить из воды никто не собирался, наоборот. Через несколько минут ноги привыкли к прохладе, и это ощущение стало удивительно приятным. Тёплое после дороги тело соприкасалось с холодной водой, и где-то внутри словно происходила маленькая

перенастройка. Уходила усталость, растворялись рабочие заботы, мысли становились тише.

Море всегда умело делать это лучше любого психолога или целителя. Волны набегали одна за другой, касались ступней и снова уходили обратно, словно забирая с собой всё лишнее.

Женя посмотрела на бесконечный горизонт.

— Знаешь, иногда мне кажется, что вода помнит Землю ещё до появления людей.

— А иногда мне кажется, что она помнит нас, — тихо ответила Наташа.

Ветер тронул их волосы. Где-то над водой кричала чайка. Солнце медленно опускалось всё ниже. И в этот момент исчезала граница между человеком и природой: не было города, не было работы, не было бесконечных дел, сообщений и списков задач.

Были только две женщины, море, ветер, песок под ногами и огромное живое пространство мира, частью которого они всегда были и которое так часто забывали в повседневной суете. Наверное, именно поэтому люди снова и снова возвращаются к воде. Не потому, что ищут отдых, а потому, что рядом с морем легче вспомнить себя настоящего.

Ещё несколько минут они молча шли вдоль берега, позволяя волнам разговаривать вместо них. А потом, когда солнце почти коснулось горизонта, повернули обратно к сосновой тропинке. Теперь можно было ехать домой, на дачу. В свой маленький мир среди сосен, жасмина и бесконечных разговоров о жизни, душе и правилах большой Игры.

Женя и Наташа медленно возвращались к машине. Мокрый песок приятно охлаждал ступни, а набегающие волны всё ещё догоняли их у самой кромки берега, словно море не хотело отпускать своих вечерних гостей. Ветер усилился. Он перебирал волосы, путался в длинных полах кардиганов и приносил с собой солоноватый запах воды, водорослей и далёких сосновых лесов, растянувшихся вдоль побережья.

Солнце уже почти растворилось за горизонтом. На воде осталась лишь тонкая золотистая дорожка, которая с каждым мгновением становилась всё уже и прозрачнее, словно день медленно закрывал за собой дверь. Чайки всё реже пролетали над волнами, а море постепенно меняло цвет, становясь глубоким, тёмно-синим, почти бархатным.

Подойдя к машине, женщины стряхнули песок с ног и на несколько секунд задержались возле открытых дверей. После прохладной воды особенно остро чувствовалось тепло, сохранившееся в салоне от нагретых за день сидений. Наташа первой забралась внутрь и довольно выдохнула, поджимая замёрзшие ноги.

— Вот за это я люблю море, — пробормотала Наташа, растирая ладонями ступни. — Оно всегда напоминает, что ты живая.

Некоторое время они сидели молча. За лобовым стеклом темнел берег. Волны продолжали набегать на песок своим бесконечным размеренным ритмом, а в воздухе ещё долго оставался запах соли и вечерней прохлады.

Наташа улыбнулась своим мыслям.

— Знаешь, что сейчас вспомнила? Мама в детстве постоянно говорила: «Не лезь в холодную воду. Заболеешь». Причём говорила так убедительно, что я потом ещё много лет боялась даже ноги мочить в море, если вода казалась холодной.

— У меня было то же самое, только список запретов был длиннее. — Женя рассмеялась.

— И ведь самое смешное, что сейчас мы с тобой полчаса бродили по ледяной Балтике босиком и прекрасно себя чувствуем.

— Потому что тело часто оказывается мудрее страхов, которые ему достались по наследству.

Машина плавно тронулась с места. Фары выхватили из сумерек полосу дороги, ведущей вдоль берега. Некоторое время они ехали молча.

— Странная вещь получается, — задумчиво сказала Наташа. — Родители ведь всё это говорили из любви, чтобы защитить нас.

— Конечно, из любви, — кивнула Женя. — Только любовь иногда приходит в очень необычной упаковке.

За окном одна за другой проплывали сосны. Их тёмные стволы мелькали в свете фар, словно безмолвные хранители дороги.

— А знаешь, что самое хитрое? — наконец сказала Женя. — Шайтан-машина почти никогда не навешивает страх напрямую. Очень часто внедряет свои правила и установки через любовь.

— В смысле? — Наташа повернулась к ней.

— Через фразы, которые звучат, как забота: «Я желаю тебе добра», «Я хочу как лучше», «Я переживаю за тебя». Слышала ведь такое?

Наташа задумчиво кивнула.

— Конечно.

— И человек начинает ограничивать себя не потому, что его заставляют, а потому, что не хочет огорчать близких. Боится потерять их любовь. Боится стать неправильным. И постепенно чужие страхи становятся его собственными.

Наташа снова вспомнила море, ледяную воду, свой детский страх заболеть. И то удивительное чувство свободы, которое испытала всего несколько минут назад, когда первая холодная волна коснулась ее ног. Иногда свобода начинается именно так: не с великих открытий, не с духовных практик. А с маленького шага навстречу собственному опыту. С момента, когда ты впервые решаешь проверить сам, действительно ли мир устроен так, как тебе рассказывали.

Некоторое время они сидели молча. За лобовым стеклом темнел берег. Волны продолжали набегать на песок своим бесконечным размеренным ритмом, а в воздухе ещё долго оставался запах соли и вечерней прохлады.

За окном одна за другой проплывали сосны. Их тёмные стволы мелькали в свете фар, словно безмолвные хранители дороги. Машину слегка покачивало на неровностях. После прогулки это мягкое движение казалось почти убаюкивающим.

Наташа подтянула к себе плед с заднего сиденья и укрыла колени. После морского ветра тепло постепенно возвращалось в тело.

— Жень... — медленно произнесла Наташа. — А если родители сами были несчастны? Выходит они просто учили тому, что знали и как умели?

Женя на несколько секунд задумалась. Впереди показались знакомые огни Саулкрасты. До дома оставалось совсем немного.

— Так чаще всего и бывает, — тихо сказала она. — Наших родителей тоже кто-то воспитывал. Их тоже учили бояться, терпеть, соответствовать. Им редко рассказывали о любви к себе, о внутренней свободе или о том, как слышать своё сердце.

Некоторое время в машине было слышно только негромкое гудение шин.

— Знаешь, за годы работы я заметила одну интересную вещь. Люди приходят с разными проблемами. Кто-то жалуется на отношения, кто-то на деньги, кто-то на усталость или тревогу. Но если копнуть глубже, очень часто оказывается, что причина одна и та же.

— Какая?

— Человек живёт не своей жизнью.

Наташа повернулась к ней.

— В смысле?

— В самом прямом. Будто существует невидимый список правил, которые он когда-то принял за истину: женщина должна всем помогать; хорошая мать обязана жертвовать собой ради детей; нельзя расстраивать близких; нельзя быть эгоисткой; нужно терпеть; нужно заслужить любовь; нужно быть удобной.

За окном мелькнули сосны.

— И что самое интересное, большинство людей даже не замечают этих правил. Им кажется, что это их собственные мысли.

— Но это же и есть воспитание?

— Да, только иногда воспитание превращается в клетку или в мышеловку.

Наташа притихла. Вопрос оказался глубже, чем ей показалось сначала.

— Мышеловку?

— Именно, представь женщину, которая всю жизнь заботится о других: о муже, детях, родителях, коллегах, всем помогает, всё прощает, отдаёт больше, чем получает. А потом однажды обнаруживает внутри пустоту, где уже почти не осталось ни сил, ни радости, ни собственных желаний, и даже не понимает, в какой момент потеряла саму себя.

Женя на мгновение замолчала.

— Или другая история. Одна моя клиентка много лет не позволяла себе отдыхать. Всё откладывала жизнь на потом. Сначала дети вырастут, потом кредит выплатится, потом ремонт закончится, потом ещё что-нибудь. И однажды она сказала мне удивительную фразу: «Я всё готовлюсь жить, но почему-то никак не начинаю».

Наташа грустно усмехнулась.

— Большинство моих знакомых живут именно так.

— Вот именно. Социальный Конструктор редко удерживает человека цепями, чаще он удерживает обещанием: ещё немного потерпи; ещё немного подожди; ещё немного посООответствуй и тогда обязательно станешь счастливой.

— А счастье всё время переносится на завтра?

— Именно.

В салоне ненадолго повисла тишина.

— А ещё есть капкан сравнений, — продолжила Женя. — Когда женщина смотрит на чужую жизнь и думает, что у всех получается лучше. Есть матричная ловушка контроля, когда кажется, что стоит отпустить ситуацию хотя бы на день, и мир рухнет. Есть мышеловка одобрения, когда собственная ценность зависит от чужой похвалы. Есть капкан вечной подготовки к жизни. Они разные, но работают одинаково.

— И как понять, что ты уже в одной из них?

По лицу Жени скользнула спокойная улыбка.

— Очень просто. Если твоя жизнь наполнена страхом, чувством вины, постоянным напряжением или бесконечным ожиданием лучших времён — скорее всего, какая-то мышеловка уже захлопнулась.

Ночной ветер качал верхушки сосен.

— Но хорошая новость в том, что все эти ловушки существуют только до тех пор, пока мы их не замечаем. Осознанность всегда начинается с вопроса: «А это действительно моя мысль? Моё желание? Или я просто продолжаю играть роль, которую когда-то получила по наследству?»

Наташа долго смотрела в окно. И вдруг ей стало удивительно спокойно, потому что впервые за долгое время она почувствовала не обиду на прошлое, а понимание. Возможно, родители не хотели загнать своих детей в лабиринт. Они просто сами когда-то заблудились в нём.

Ночной ветер качал верхушки сосен. Где-то совсем рядом уже чувствовалось море, хотя его больше не было видно за деревьями.

— Поэтому люди часто передают своим близким не только любовь и заботу, — продолжила Женя. — Они передают свою непрожитую боль, свои ограничения, свои тревоги. Не потому, что хотят навредить. Просто другого способа жить они сами не знали.

Вскоре машина свернула на знакомую улочку и остановилась возле старой дачи.

— Наконец-то дома, — облегчённо выдохнула Наташа.

Обе выбрались из машины и одновременно поёжились. После моря одежда успела напиться прохладой, а вечерний воздух становился всё свежее. Где-то совсем рядом шумели сосны, а из сада уже доносился знакомый аромат с нотками жасмина. Сумки решили оставить на потом. Сейчас существовала задача гораздо важнее.

— Чайник! — почти одновременно произнесли обе. — И рассмеялись.

Через минуту Женя уже открывала дверь, а Наташа уверенно направилась на кухню, словно была здесь хозяйкой не меньше самой хозяйки дома. Очень скоро на плите весело зашумела вода.

Дом постепенно просыпался после недельного одиночества: скрипнули старые половицы, щёлкнул выключатель, засветилась лампа над столом, на веранде зажглись маленькие фонари. С каждой минутой становилось всё уютнее. Наташа устроилась возле окна, закутавшись в плед.

— Вот теперь я начинаю снова чувствовать свои ноги.

— Это потому, что Балтика только что провела тебе бесплатный курс закаливания, — серьёзно ответила Женя, доставая кружки.

— Очень щедро с её стороны.

Вскоре кухня наполнилась ароматом свежесваренного чая. Пар поднимался над кружками тонкими серебристыми струйками. Тепло постепенно возвращалось в ладони, щёки и мысли. Спать пока совершенно не хотелось.

Вернее, тело уже начинало уставать после рабочей недели, дороги и прогулки у моря, но душа только-только просыпалась.

За окнами медленно сгущались сумерки. В саду перекликались птицы. Где-то в траве уже начинали свой ночной концерт сверчки. Впереди был целый вечер: без спешки, без будильников, без обязательств, только две подруги, чай, летний сад и бесконечное количество тем, которые ещё только ждали своего часа, чтобы одна за другой появиться в их разговорах.

Сад постепенно наполнялся вечерними звуками. Где-то в глубине участка тихо шелестели листья яблонь, иногда с лёгким стуком падал созревший плод, а сверчки всё увереннее вступали в свои ночные права, словно маленький оркестр, который каждый вечер собирался под открытым небом и исполнял одну и ту же бесконечную симфонию лета. Над жасмином кружилась какая-то поздняя бабочка. Её светлые крылья то появлялись в полумраке, то снова исчезали среди белых цветов, похожих на маленькие звёзды, случайно запутавшиеся в ветвях куста.

ГЛАВА 13

Внутренние контракты души

Вечер снова собрал их на знакомой террасе. Наташа сидела, укутавшись в плед, согревая ладони горячей кружкой чая. В саду уже густо пахло жасмином, а где-то совсем рядом стрекотали сверчки.

Женя молча смотрела в темнеющее небо, словно прислушивалась к собственным мыслям. Потом улыбнулась и тихо сказала:

— Иногда мне кажется, что душа хранит гораздо больше воспоминаний, чем способен удержать наш разум. Мы забываем события, имена, лица. Но где-то глубоко внутри остаётся память о пережитых состояниях. Именно поэтому человека вдруг необъяснимо тянет к морю, к древним городам, к определённым культурам, запахам или даже языкам, которых он никогда не изучал.

Наташа медленно кивнула.

— Наверное, поэтому есть места, где с первой минуты чувствуешь себя дома, хотя никогда там не был.

— Точно, память души редко говорит словами. Она говорит ощущениями.

Несколько секунд обе молчали. Ветер принёс со стороны моря прохладный воздух, и сад словно глубоко вдохнул вместе с ними. Наташа долго смотрела на белые цветы жасмина, а потом неожиданно тихо сказала:

— Знаешь... я никогда никому об этом не рассказывала.

Женя внимательно посмотрела на неё.

— О чём?

— Мне уже много лет снится один и тот же сон. Не каждую ночь, иногда раз в несколько месяцев, бывает раз в несколько лет, но он всегда одинаковый.

Она замолчала, словно снова увидела перед собой ту картину.

— Какая-то огромная планета... или мир... Я никогда не могу понять, где нахожусь. Всё вокруг разрушается, небо будто раскалывается, города горят, люди бегут и кричат. Я понимаю, что уже потеряла всех, кого любила: родителей... друзей... будто весь мой мир исчезает прямо на глазах.

Женя слушала очень внимательно, не перебивая.

— А потом наступает самый страшный момент, — почти шёпотом продолжила Наташа. — Я понимаю, что чудом осталась жива. Но вместо радости чувствую только пустоту. И тогда... я словно принимаю какое-то решение. Будто в тот момент я отказалась не только от счастья. Я отказалась от самой себя. И в этот момент я просыпаюсь.

Она глубоко вдохнула.

— Самое странное, что каждый раз после этого сна несколько дней хожу с ощущением какой-то огромной потери, хотя прекрасно понимаю, что это всего лишь сон.

Женя долго молчала. Потом осторожно поставила кружку на деревянный столик.

— А знаешь, что для меня сейчас самое важное в твоём рассказе?

— Что?

— Не то, было ли это воспоминанием о прошлом воплощении или работой бессознательного. А то решение, которое ты приняла во сне. Иногда именно такие внутренние обещания человек потом всю жизнь бессознательно исполняет, даже не помня, когда они появились.

Наташа долго смотрела в кружку, словно пыталась увидеть в отражении чая что-то ещё.

— Получается... такие внутренние обещания могут жить с человеком всю жизнь?

— Иногда да, — спокойно ответила Женя. — И самое удивительное, что человек даже не подозревает об их существовании. Он просто говорит: «Почему со мной всё время происходит одно и то же?» Или: «Почему я никак не могу избавиться от этого страха?» А причина может оказаться гораздо глубже, чем кажется.

Она ненадолго задумалась.

— После выхода моей книги «Врат Атлантиды» мне написала одна женщина. Очень искреннее письмо. Она рассказывала, что всю жизнь пыталась заслужить любовь своей матери.

Наташа внимательно посмотрела на Женю.

— Неужели мать совсем её не любила?

— Она говорила именно так. Что бы ни делала, всё было недостаточно хорошо. Она старалась быть удобной, правильной, успешной, помогала всем вокруг, постоянно работала над собой, обращалась к психологам, участвовала в ретритах, проходила разные практики. Что-то менялось, становилось легче, но внутри оставалось ощущение, будто существует какая-то очень старая боль, до которой невозможно добраться.

Жасмин тихо качнулся от лёгкого ветерка.

— Потом она прочитала книгу. И спустя несколько дней написала мне, что во время чтения неожиданно увидела очень яркий внутренний образ.

Женя ненадолго замолчала.

— Она рассказывала, что во время чтения перед ней стали возникать очень яркие внутренние образы. Для неё это было похоже на воспоминание о другой жизни. Возможно, это была память души. Возможно, так говорил язык бессознательного. Но для неё это переживание оказалось абсолютно реальным.

Наташа слушала, почти не дыша.

— В этом переживании она вдруг поняла ещё одну вещь. После той катастрофы она словно вынесла самой себе приговор. Решила, что не имеет права быть счастливой, что

должна расплачиваться за случившееся, заслуживать любовь, терпеть одиночество и постоянно испытывать чувство вины.

Несколько секунд они молчали.

— И что произошло потом?

— Она написала, что впервые увидела этот внутренний контракт. Не тот, который кто-то навязал ей извне, а тот, который она сама когда-то приняла как единственно возможную правду. И в тот момент сказала вслух всего несколько слов: «Я больше не выбираю жить через вину. Я разрешаю себе быть счастливой».

В уголках губ Жени появилась мягкая улыбка.

— Через несколько месяцев она написала снова. Не потому, что её мама вдруг стала другим человеком. Нет. Изменилась она сама. Она перестала бесконечно добиваться любви, которую невозможно заслужить. Перестала жить с ощущением собственной вины. И впервые почувствовала внутреннюю свободу.

Наташа задумчиво смотрела на звёзды.

— Значит, книги тоже могут быть местом, где человек вспоминает себя?

— Иногда книга становится безопасным пространством, в котором душа наконец позволяет себе вспомнить то, к чему раньше была не готова.

— Получается... иногда исцеление начинается не тогда, когда меняется мир вокруг, а тогда, когда человек перестаёт жить по старому внутреннему договору?

— Думаю, именно так, — тихо ответила Женья. — Иногда достаточно увидеть ту историю, которой ты бессознательно следовал всю жизнь. Когда она становится осознанной, она перестаёт управлять тобой.

Наташа долго молчала.

Под ногами тихо похрустывал мелкий гравий. Вечерняя прохлада становилась ощутимее, а жасминовый аромат будто делал ночь ещё глубже.

— Знаешь... — наконец сказала она. — А ведь я никогда не думала, что человек может сам когда-то принять решение страдать. Мне всегда казалось, что страдания просто случаются. И тогда получается, что я сама, по собственной воле когда-то отреклась от жизни, от счастья, от самой себя.

Женья кивнула.

— Какой вывод?

— Нужно осознать это и принять. Найти в этой жизни смысл, красивые моменты, ценности, стремления и прожить ее как самую лучшую.

— А ещё тебе нужно поменять установки, переписать их внутри себя. Например, вместо «Я недостойна любви», «Мне нельзя ошибаться», «Я должна всё выдержать», «Я обязана всех спасать» сказать себе иначе: «Я достойна любви и разрешаю себе любить», «Мне можно ошибаться, я разрешаю себе получать новый опыт», «Я не должна всё выдерживать, я разрешаю себе быть такой, какая я есть: сильной и слабой, умной и неидеальной. Я нравлюсь себе в разных проявлениях и люблю себя разной», «Я не обязана всех спасать и

разрешаю другим спасать себя самим». Иногда человек даже не помнит, когда впервые принял старое решение, но именно с этого момента жизнь начинает подстраиваться под когда-то усвоенное убеждение. Поэтому важно не просто увидеть его, а сознательно выбрать другое.

Наташа отвела взгляд в сторону и задумалась, перебирая услышанное внутри себя.

— Значит, внутренний контракт — это не обязательно что-то мистическое?

— Конечно нет. Иногда он рождается в детстве после сильной боли. Иногда приходит через символический образ, сон или воспоминание. Не так важно, как он появился. Важно другое: если человек однажды смог принять это решение, значит, однажды сможет принять и другое.

Ветер качнул ветви яблони.

Несколько лепестков медленно опустились на дорожку.

Женя подняла один из них.

— Представь, что всю жизнь ты носишь очки с серыми стёклами. Мир кажется тусклым. Ты привыкаешь и уже не замечаешь этого. А потом однажды снимаешь их... И оказывается, всё вокруг всегда было наполнено красками.

— То есть многие ограничения существуют только внутри нас?

— Да. И самое удивительное, что человек годами пытается изменить обстоятельства, хотя менять нужно не обстоятельства, а ту историю, через которую он на них смотрит.

Наташа улыбнулась и чуть удобнее устроилась на своём месте.

— Получается... душа не столько хранит воспоминания, сколько хранит незавершённые выводы?

Женя посмотрела на неё с одобрением.

— Очень точно сказано. Возможно, именно поэтому некоторые события повторяются снова и снова. Не потому, что жизнь нас наказывает, а потому, что она терпеливо ждёт, когда мы увидим то, чего раньше не замечали.

Они снова пошли вперёд.

Дом уже был совсем близко. В окнах горел мягкий тёплый свет, а из открытой форточки доносился запах свежесваренного чая.

— И всё-таки, — тихо сказала Наташа, — если прошлое действительно может так влиять на настоящее... значит, человек способен изменить не только своё будущее, но и отношение ко всему, что с ним уже произошло?

Женя посмотрела на подругу с тёплой, чуть заметной улыбкой.

— Думаю, именно в этом и заключается настоящее исцеление. Мы не меняем прошлое. Мы меняем человека, который продолжает его нести. И тогда прошлое наконец перестаёт управлять настоящим.

Наташа подняла голову. Высоко над садом медленно мерцали звёзды. И вдруг она поймала себя на странной мысли. Возможно, прошлые воплощения нужны не затем, чтобы бесконечно искать, кем ты когда-то был. Они нужны затем, чтобы наконец понять,

кем ты больше не хочешь быть. Они подошли к калитке. Несколько секунд молча смотрели на звёзды. Наташа первой нарушила тишину.

— Получается... иногда человеку нужно вспомнить вовсе не прошлую жизнь.

Женя вопросительно посмотрела на неё.

— А что?

— То решение, которое он когда-то принял.

Женя улыбнулась, но отвечать сразу не стала.

— Думаю, именно поэтому память души никогда не возвращается ради любопытства.

Эта мысль неожиданно успокоила Наташу. Теперь она понимала, почему некоторые сны возвращаются снова и снова: возможно, не для того, чтобы напугать, а чтобы однажды завершиться. Она открыла калитку, и тёплый свет дома лёг на садовую дорожку.

Жасмин продолжал благоухать так спокойно, словно всё это время ждал именно этого разговора. Наташа подумала, что некоторые двери открываются наружу, а самые важные только внутри человека.

ГЛАВА 14

Матрица любит правильных девочек

Наташа первой нарушила молчание.

— Знаешь... после нашего прошлого разговора я вдруг осознала одну странную вещь.

— Какую?

Она ненадолго задумалась.

— Почти никто вокруг не живёт свободно. Все стараются быть хорошими: сотрудниками, жёнами, дочерьми, матерями, друзьями, будто всю жизнь кто-то незаметно выставляет оценки.

— А ты никогда не задумывалась, кто именно их выставляет? — улыбнулась Женя.

Наташа растерянно пожала плечами.

— Наверное, сначала родители, потом учителя, начальники, а дальше уже все остальные.

— Именно так и начинается одна из самых незаметных программ Матрицы.

Они медленно шли по садовой дорожке. За спиной остался жасмин, впереди тёплым светом светилась веранда. Где-то в высокой траве стрекотали сверчки, а вечерний ветер лениво перебирал листья яблонь.

— Когда ребёнок приходит в этот мир, — продолжила Женя, — он ещё не знает, каким ему «положено» быть. Он просто живёт: смеётся, плачет, бежит, задаёт сотни вопросов, громко мечтает, а потом очень быстро замечает странную закономерность.

— Какую?

— Что любовь взрослых почему-то меняется.

Наташа внимательно посмотрела на неё.

— В каком смысле?

— Не потому, что родители любят меньше, большинство действительно любят своих детей. Просто вместе с любовью они передают собственные способы выживания.

Женя сорвала с ветки маленькое яблоко и задумчиво покрутила его в ладони.

— Ребёнок слышит целую россыпь коротких правил: «Не кричи», «не спорь», «будь послушной», «не позорь нас», «сначала подумай о других», и постепенно делает вывод, которого никто вслух не произносил.

— Какой?

Женя посмотрела на Наташу.

— Чтобы меня любили, я должна быть удобной.

Наташа долго молчала и вдруг вспомнила детский сад: белые банты, новое платье и воспитательницу, которая сказала:

— Какая хорошая девочка.

Почему-то именно в тот день ей впервые захотелось быть не счастливой и не живой, а хорошей.

Потом неожиданно спросила:

— Но ведь это же обычное воспитание?

— Иногда да, — спокойно ответила Женя. — Проблема начинается позже, когда человек давно вырос, а внутри всё ещё живёт ощущение, будто кто-то продолжает его оценивать.

— Потом он выходит из семьи и думает, что стал свободным, но эстафету незаметно принимают другие.

Наташа вопросительно посмотрела на неё.

— Школа учит поднимать руку, прежде чем сказать, что думаешь, университет требует отвечать по учебнику, работа приучает не спорить с начальством, общество советует не выделяться, а социальные сети предлагают выглядеть успешнее, чем ты чувствуешь себя на самом деле.

Она ненадолго замолчала.

— Замечаешь? Правила меняются, а смысл остаётся тем же.

— Каким?

— «Будь такой, чтобы тебя приняли».

Наташа тихо вздохнула.

— Получается... всю жизнь человек сдаёт какой-то бесконечный экзамен?

— Именно.

По лицу Жени скользнула спокойная улыбка.

— Только самое странное, что никто уже не помнит, кто этот экзамен принимает.

Они поднялись на веранду. На деревянном столе тихо потрескивали свечи. Их тёплый свет отражался в стекле чайника, а за открытыми окнами продолжал шуметь ночной сад.

— Знаешь, что меня всегда поражает? — сказала Женя, наливая чай. — Ко мне приходят женщины сорока, пятидесяти, шестидесяти лет: умные, красивые, сильные. Они вырастили детей, построили карьеру, пережили огромное количество трудностей.

Она ненадолго задумалась.

— И почти каждая в какой-то момент произносит одну и ту же фразу.

— Какую?

Женя посмотрела на Наташу.

— «Я уже не помню, чего хочу сама».

Наташа медленно опустила глаза.

Эти слова почему-то прозвучали слишком знакомо.

— Получается... всю жизнь они исполняли желания других?

— Не только желания. Годами они исполняли одну и ту же роль: хорошей дочери, жены, матери, сотрудника. Иногда настолько долго, что роль начинала казаться собственной личностью.

Несколько секунд они молчали.

— И именно таких людей легче всего удерживать в рамках определенного сценария? — тихо спросила Наташа.

— Конечно, потому что человек, который всё время старается соответствовать чужим ожиданиям, редко успевает спросить себя, чего хочет его собственная душа. Однажды ко мне на консультацию пришла женщина: она вошла, точно отмеряя каждый шаг, с безупречно прямой спиной, села и даже сумку поставила рядом так ровно, словно и здесь нельзя было позволить себе ни одной лишней линии.

И прежде чем поздороваться, сказала: «Меня раздражают люди, почти все, — сказала она. — Если рядом кто-то громко разговаривает, шумят дети, медленно идут прохожие или соседи делают что-то не так, как я считаю правильным, я становлюсь похожа на оголённый нерв.»

Наташа удивлённо посмотрела на Женю.

— И что с ней было?

— Я почти сразу увидела в ней классическую отличницу, человека, который всю жизнь старался всё делать правильно. Такие люди редко многое разрешают себе, зато предъявляют к себе огромные требования, а потом незаметно начинают ждать того же от остальных.

— И что ты ей сказала?

В уголках губ Жени появилась мягкая улыбка.

— Я неожиданно села прямо на край стола и начала болтать ногами.

— Вот так?

— Именно.

Она посмотрела на меня почти с ужасом и произнесла: «Вы меня сейчас очень раздражаете», — сказала она. «Тогда просто разрешите мне это делать», — ответила я.

Наташа тихо рассмеялась.

— И что?

Несколько секунд она молчала, затем ее лицо неожиданно расслабилось и произнесла: «Получается, меня раздражает не то, что вы болтаете ногами... А то, что я сама запрещаю людям вести себя не так, как считаю правильным?»

— Именно это я ей и сказала.

— А дальше?

— Я предложила ей очень простое упражнение. Каждый раз, выходя на улицу, мысленно говорить людям: «Я разрешаю вам быть собой: шумными, странными, медленными, неловкими, разрешаю ошибаться и жить так, как вы умеете».

Наташа не ответила сразу. Она опустила взгляд, словно примеряя услышанное к собственной жизни.

— Звучит неожиданно...

— Иногда человеку легче разрешить жить всему миру, чем самому себе. Через неделю она пришла совсем другой: улыбалась, на ней было ярко-красное платье, и первым делом сказала: «Представляете, мир оказался удивительно интересным. Он вовсе не обязан соответствовать моим представлениям о правильности».

Женя посмотрела на Наташу.

— Мне кажется, именно тогда она впервые перестала быть правильной девочкой и начала становиться собой.

Наташа медленно провела ладонью по тёплой деревянной столешнице.

— Знаешь, я сейчас кое-что вспомнила. В школе я однажды расплакалась на уроке, и учительница сказала: «Хорошие девочки не плачут». Кажется, с тех пор я действительно старалась не показывать слёз. Выходит, всю жизнь нас учат быть кем-то, а потом мы сами не замечаем, как начинаем требовать того же от других.

— Потому что быть собой намного сложнее, чем быть правильной, — кивнула Женя.

— Почему?

— Правильных девочек любят почти все.

— Как это?

— Посмотри вокруг: правильных девочек действительно любят почти все, потому что они редко мешают жить чужим ожиданиям.

Наташа отвела прядь волос за ухо и задумалась. Она едва заметно нахмурилась. Слово «ожидания» вдруг для нее прозвучало тяжелее, чем прежде.

— А когда такая женщина перестаёт соглашаться со всем подряд, может отказаться от нелюбимой работы, закончить отношения, в которых давно несчастлива, выбрать непонятную другим профессию или просто начать говорить то, что чувствует, окружающим становится неудобно.

— Рядом с человеком, который начал жить по-настоящему, другим тоже приходится задавать себе неудобные вопросы. Когда-то я сама пыталась быть удобной, и мне понадобились годы, чтобы перестать заслуживать любовь.

За высокими окнами веранды тихо шелестел сад. Ветер доносил запах жасмина, а свеча мягко покачивала золотистый огонёк. В помещении снова стало тихо.

И впервые за весь вечер Наташе показалось, что слово «правильная» звучит не как комплимент, а как название клетки, дверь которой всё это время была открыта, просто выйти она не решалась. Несколько минут они сидели молча.

Свеча почти догорела. За окном шумели деревья, а где-то совсем рядом негромко стрекотали сверчки. Ночь была удивительно спокойной, словно сама слушала их разговор. Наташа медленно подняла кружку, но так и не сделала глоток.

— Знаешь... мне сейчас пришла странная мысль.

— Какая?

— Мы с детства мечтаем стать взрослыми, потому что думаем: тогда наконец можно будет жить как хочется. А потом вырастем и продолжаем спрашивать разрешения, только уже не у родителей.

Женя посмотрела на подругу с тёплой, чуть заметной теплой улыбкой и одобряюще погладила ее по плечу.

— Сначала боимся огорчить маму, потом учителя, начальника, мужа, детей, друзей, общество, а однажды начинаем бояться собственной части, которая способна сказать: «Я больше так не хочу».

Наташа посмотрела в темноту сада.

— Получается... настоящая свобода начинается не тогда, когда исчезают ограничения.

— Нет.

— Тогда когда?

Женя ответила не сразу. Она посмотрела на мерцающий огонёк свечи, который вот-вот должен был погаснуть.

— В тот момент, когда человек впервые перестаёт жить ради чужих ожиданий и начинает принимать решения, за которые готов отвечать сам.

В ту же секунду лёгкий ветерок, влетевший через приоткрытое окно, коснулся пламени. Свеча дрогнула и погасла. Веранда погрузилась в мягкий полумрак, только из сада продолжал литься серебристый свет луны. Наташа тихо улыбнулась.

— Кажется... это был очень своевременный знак.

Женя негромко рассмеялась.

— Или просто напоминание, что иногда один маленький огонёк должен погаснуть, чтобы человек наконец заметил, сколько вокруг настоящего света.

Свеча погасла, но ни одна из них не поднялась сразу. Наташа ещё долго смотрела в тёмный сад и вдруг с удивлением поняла: всю жизнь она пыталась стать правильной, хотя душа никогда об этом не просила. Душа хотела другого, хотела быть живой.

ГЛАВА 15

Разрешение на счастье

Ночь окончательно вступила в свои права. Женя принесла из кухни чайник и зажгла на столе ещё две свечи. Сад за верандой растворялся в мягкой июньской темноте, белые цветы жасмина светились среди листвы, от моря тянуло прохладой, а живой золотистый свет снова собрал пространство вокруг их маленького стола.

Наташа сидела, обхватив ладонями тёплую кружку. После последних разговоров внутри будто постепенно всё вставало на свои места: мыслей становилось меньше, зато появлялось новое чувство, похожее на спокойную внутреннюю опору.

— Знаешь, — задумчиво сказала Наташа, — получается, поддержка нужна только до тех пор, пока человек не научится опираться на себя?

— Думаю, да. Хороший учитель, книга, практика или даже тяжёлое жизненное испытание нужны не для того, чтобы человек навсегда остался зависимым, а чтобы однажды они помогли ему вспомнить собственную силу.

Ветер осторожно качнул ветви жасмина, и несколько белых лепестков бесшумно опустились на деревянный пол веранды.

— Но почему тогда большинство всё равно продолжает искать кого-то, кто спасёт? — тихо спросила Наташа.

— Потому что так проще. Нам кажется, будто кто-то другой знает лучше, сильнее нас и быстрее решит наши проблемы. Но настоящее изменение всё равно начинается внутри: никто не проживёт твою жизнь и не станет счастливым вместо тебя.

Наташа долго смотрела на огонёк свечи.

— Значит... настоящая опора всегда оказывается внутри?

— Да, и знаешь, что происходит потом?

— Что?

Женя улыбнулась, но отвечать сразу не стала.

— Когда человек перестаёт искать разрешения жить у других, происходит ещё одна удивительная вещь. Он постепенно перестаёт ждать разрешения быть счастливым.

Наташа непонимающе подняла взгляд.

— Знаешь, — неожиданно сказала она, — мне иногда кажется, что люди умеют чувствовать вину даже за счастье...

Женя подняла на неё взгляд и понимающе улыбнулась.

— Потому что многих из нас с детства учили, что всё хорошее нужно заслужить.

Наташа задумчиво кивнула.

— Сначала хорошо учись, потом отдыхай. Сначала выполни все обязанности, потом занимайся тем, что любишь. Сначала добейся чего-то, а уже потом разреши себе быть счастливой.

— Именно так, — согласилась Женя. — И постепенно человек привыкает откладывать жизнь на потом. Ему всё время кажется, что для счастья ещё не наступил подходящий момент. Нужно закончить важные дела, решить проблемы, заработать больше денег, привести себя в порядок, дождаться лучших времён, только эти лучшие времена почему-то постоянно отодвигаются всё дальше и дальше.

Ветер осторожно качнул ветви жасмина, и новая волна сладкого аромата прокатилась по саду.

— А ведь жизнь в это время проходит, — тихо сказала Наташа.

— Не просто проходит. Она происходит прямо сейчас.

Женя обвела взглядом тёмный сад, освещённый луной и свечами.

— Посмотри вокруг. Именно сейчас пахнет жасмином, именно в эту секунду поют для нас свои серенады сверчки, море размеренно дышит за соснами, а рядом сидит человек, с которым можно говорить обо всём на свете и именно в сейчас над нами загораются звёзды. И именно из таких моментов на самом деле состоит жизнь.

Несколько мгновений между ними жила тишина. Наташа смотрела на колышущиеся тени деревьев и вдруг вспоминала самые счастливые моменты своей жизни. Почему-то среди них почти не было громких побед, значительных достижений или событий, которые когда-то казались невероятно важными. Зато были летние вечера, поездки к морю, смех друзей, запах яблоневого сада после дождя, прогулки босиком по тёплой траве и долгие разговоры по душам.

— Странно, — наконец сказала она. — Когда оглядываешься назад, оказывается, что счастье всегда жило в каких-то очень простых вещах.

— Потому что оно там и живёт, — улыбнулась Женя. — Настоящее счастье редко приходит с фанфарами. Оно не любит громких объявлений. Чаще всего оно тихо садится рядом и ждёт, когда человек наконец обратит на него внимание.

Где-то возле пруда плеснулась рыба. На поверхности воды дрогнули отражения звёзд и снова успокоились.

— Знаешь, я заметила одну особенность матричной игры, — тихо сказала Женя. — Она почти никогда не запрещает человеку быть счастливым. Она поступает гораздо тоньше. Всё время обещает счастье... чуть позже, после отпуска, после новой работы, после свадьбы. После того как похудеешь. После того как заработаешь больше. После того как дети вырастут. И человек так привыкает жить ожиданием, что однажды перестает замечать: жизнь всё это время происходила прямо сейчас.

Наташа задумчиво улыбнулась.

— Получается, радоваться — это тоже своего рода свобода?

— Конечно, особенно если ты перестаёшь спрашивать у мира разрешения на эту радость.

Наташа рассмеялась, на мгновение разрушив серьёзность разговора.

— То есть никто не придёт и не скажет: «Поздравляем, теперь вы достаточно хороши, чтобы быть счастливой»?

— Боюсь, такая комиссия ещё не создана, — улыбнулась Женя.

Они обе рассмеялись, и разговор на несколько секунд снова стал обычной беседой двух давних подруг.

Смех быстро растворился в тишине сада, но после него внутри стало удивительно легко. Словно что-то долгое время сдерживавшееся наконец отпустило.

Наташа поднялась из кресла и вышла на середину веранды. Ветер тут же подхватил её волосы, а запах жасмина стал ещё сильнее.

— Что ты делаешь? — с интересом спросила Женя.

— Не знаю, — честно ответила Наташа. — Просто вдруг захотелось почувствовать себя живой.

Она подняла лицо к небу и закрыла глаза. В этот момент не происходило ничего необычного: мир не менялся, не открывались тайные порталы, не появлялись знаки судьбы и не звучали голоса с небес. Просто одна женщина впервые перестала ждать, что кто-то однажды разрешит ей быть счастливой. И этого оказалось достаточно.

Над садом мерцали звёзды. Жасмин продолжал раскрывать свои белые цветы навстречу ночи. А где-то далеко за соснами всё так же дышало море.

И именно тогда Наташа вдруг поняла простую вещь. Счастье никогда не было наградой за правильную жизнь. Оно не приходит после всех выполненных обязанностей, не ждёт идеального момента и не выдаётся за хорошее поведение.

Счастье начинается в ту секунду, когда человек перестаёт откладывать себя на потом и наконец разрешает себе жить.

ГЛАВА 16

Мягкость сильнее борьбы

Ночь становилась всё тише. Последняя свеча догорала на столе, а жасмин наполнял сад густым медовым ароматом. Где-то за деревьями шумело море, в траве стрекотали сверчки, а над садом медленно зажигались новые звёзды.

Наташа долго смотрела на маленький огонёк свечи.

— Знаешь, — наконец сказала она, — мне кажется, когда человек начинает видеть свои страхи и ограничения, первое желание — всё это разрушить.

Женя понимающе улыбнулась.

— Разумеется, почти каждый проходит через это.

— Хочется сказать себе: всё, хватит. Теперь я буду другой: сильной, осознанной, свободной...

Ветер мягко качнул ветви жасмина.

— Но есть одна ловушка, — тихо сказала Женя. — Система очень любит борьбу.

Наташа удивлённо подняла глаза.

— Даже борьбу за свободу?

— Особенно её, потому что пока человек воюет с собой, он всё ещё остаётся внутри старой игры. Раньше он боролся за право соответствовать чужим ожиданиям, а теперь начинает бороться за право стать идеальным.

Несколько мгновений между ними жила тишина.

— Получается, игровая клетка остаётся той же? — наконец спросила Наташа.

— Иногда меняется только её цвет.

Жасмин благоухал всё сильнее. Белые цветы светились в темноте почти призрачным светом и наполняли пространство таинственной вечерней магией Прибалтики.

— Тогда что делать? — тихо спросила Наташа.

Женя ответила не сразу. Некоторое время она молча смотрела на огонёк свечи, словно прислушиваясь к собственным мыслям.

— Знаешь... очень часто люди думают, что им нужно стать сильнее. На самом деле им сначала нужно перестать быть жестокими к самим себе.

— Разве это не одно и то же?

— Совсем нет, — мягко ответила Женя. — Сейчас расскажу тебе одну историю.

Она на мгновение отвела взгляд, словно вспоминая ту встречу.

— Несколько лет назад ко мне пришла совсем молодая девушка. Очень красивая, но такая напряжённая, будто всё время ожидала удара. Она призналась, что уже несколько месяцев почти не спит.

— Из-за чего?

— Сначала она и сама не понимала. Просто говорила, что каждый вечер ложится с надеждой уснуть, а вместо этого часами прокручивает в голове одни и те же мысли.

Женя сделала небольшой глоток чая.

— Постепенно выяснилось, что незадолго до этого её неожиданно оставил молодой человек. Без объяснений. Просто сказал: «Я тебя больше не люблю».

Она ненадолго замолчала.

— И знаешь, что произошло дальше? Она не стала обвинять его. Она вынесла приговор самой себе.

— В каком смысле?

— Она решила, что если её оставили, значит, с ней что-то не так: недостаточно красивая, недостаточно интересная, недостаточно хорошая. Каждый день превращался в попытку доказать самой себе обратное. Но чем сильнее она старалась исправить свою «неправильность», тем сильнее уставала. Сон уходил, тревога росла, а внутренний критик становился всё беспощаднее.

Наташа задумчиво смотрела на свечу.

— Получается... она боролась не с болью, а с собой?

— Вот именно, бессонница была не её врагом. Она словно пыталась сказать: «Остановись. Ты слишком жестока к себе».

— Мы почти не возвращались к истории с тем молодым человеком, — продолжила Женя. — Потому что дело было уже не в нём. Настоящая работа началась тогда, когда она увидела, как много месяцев сама продолжала причинять себе боль. Мы учились не искать виноватых, не доказывать себе собственную ценность и не воевать с прошлым. Мы учились относиться к себе с тем же сочувствием, с каким обычно относимся к человеку, которого любим.

Женя замолчала. Несколько секунд слышно было только, как за открытым окном шелестит жасмин.

— И этого оказалось достаточно?

— Постепенно — да. Когда человек перестаёт сопротивляться своим чувствам, они начинают проходить. Когда перестаёт воевать с собой, возвращаются силы.

По лицу Жени скользнула спокойная улыбка.

— Через несколько недель она пришла совсем другой. Сказала, что наконец снова спит спокойно. Познакомилась с девочками в общежитии, начала смеяться. И знаешь, что меня тогда особенно порадовало?

— Что?

— Она больше не пыталась стать другой. В её улыбке исчезло напряжение. Она больше ничего не пыталась доказать, ни мне, ни бывшему парню, ни самой себе. Она впервые позволила себе быть такой, какая есть.

На несколько секунд обе замолчали. Женя посмотрела на огонёк свечи. Наташа долго не отвечала.

— Получается... мягкость начинается не с других.

— Нет, она всегда начинается с себя, — кивнула Женя и ненадолго задумалась. — Самые болезненные программы когда-то помогали нам выжить. Самые странные страхи когда-то защищали нас. Даже внутренний контроль когда-то был попыткой уберечь себя от боли.

Ветер принёс запах липы.

— Поэтому свобода начинается не с войны, а с принятия.

— И что тогда происходит?

Женя подняла взгляд к звёздам.

— Тогда человек перестаёт тратить силы на борьбу с прошлым. Он начинает направлять их на создание будущего.

Наташа смотрела на пламя свечи. Маленький огонёк качался под дыханием ветра, но продолжал гореть. И вдруг ей стало понятно, что мягкость вовсе не противоположна силе, наоборот, Наташа вдруг увидела в этой мягкости другую, гораздо более зрелую силу. Настоящая сила рождается именно там, где больше не нужно никого побеждать: ни мир, ни родителей, ни обстоятельства, ни даже саму себя.

За окнами продолжала жить июньская ночь. Жасмин раскрывал новые цветы навстречу звёздам, море дышало за соснами своим вечным ритмом, а старые стены внутри человека действительно начинали отступать сами.

Потому что мягкость иногда делает то, чего никогда не сможет сделать борьба. Она возвращает человека домой, к самому себе.

ГЛАВА 17

Внимание как валюта жизни

Ночь, наполненная разговорами, закончилась незаметно. Утром дом ещё спал, а сад уже жил своей собственной жизнью. В ветвях перекликались птицы, над цветами тяжело кружили первые шмели, и солнце медленно поднималось над горизонтом, разливая по траве золотой свет. После вчерашнего вечера эта простая, привычная жизнь ощущалась особенно ясно, словно утро само продолжало разговор, который женщины не успели закончить.

Женя улыбнулась своим мыслям и ещё крепче обхватила ладонями тёплую чашку. Иногда самые важные ответы приходят не во время долгих разговоров, а именно так: ранним утром, среди жужжания шмелей, запаха кофе и пробуждающегося сада, когда сама жизнь на несколько мгновений становится настолько простой и ясной, что сквозь неё начинает просвечивать что-то гораздо большее.

Вчера вечером они долго говорили о счастье. О том, как часто человек откладывает жизнь на потом, ожидая особенного момента. И вдруг Женя поймала себя на мысли, что люди точно так же поступают и с чудесами.

Они ждут необычных знаков, особенных дат, судьбоносных встреч, тайных знаний. Им кажется, что настоящее чудо обязательно должно нарушить привычный ход жизни.

Но разве это утро не было чудом? Разве мало было того, что солнце снова поднималось над садом, шмели уже начинали свой труд, птицы встречали новый день, а влажная трава сияла миллионами капель росы? Разве человек привыкает к этому не настолько, что однажды перестаёт замечать?

Мы привыкаем к шуму моря и перестаём его слышать. Привыкаем к голосам близких людей и забываем, какое это счастье, просто иметь возможность говорить с ними. Привыкаем к собственному дыханию, к биению сердца, к утреннему свету за окном. И именно в тот момент, когда исчезает внимание, исчезает ощущение чуда.

Наверное, мир никогда не переставал разговаривать с человеком. Просто человек всё реже находил время его слушать.

Женя медленно спустилась по деревянным ступенькам и направилась к старым качелям под яблонями. Она забралась на широкую деревянную скамью качелей с ногами, привычно подвернула их под себя и устроилась поудобнее. Цепи тихо звякнули, качели плавно качнулись, принимая её в свои объятия, а тёплая чашка кофе уютно устроилась между ладонями. Она сделала маленький глоток и прикрыла глаза. Горьковатый аромат свежемолотых зёрен удивительным образом переплетался с запахом влажной земли, молодой листвы и цветущего сада. Казалось, само утро растворялось в этом напитке, а напиток становился частью утра.

Солнце ещё не поднялось высоко. Его лучи только начинали пробираться сквозь ветви яблонь, зажигая на листьях капли росы, и каждая такая капля на несколько мгновений превращалась в маленькую звезду. Сад постепенно наполнялся светом, но ещё сохранял ту прозрачность, которая бывает лишь ранним утром, когда мир словно не успел окончательно вспомнить о своих заботах.

Она смотрела на тяжёлого шмеля, почти исчезнувшего внутри огромного пиона, и думала о том, что ни один цветок не считает себя пленником сада. Ни одна птица не жалуется на существование неба. Ни одно дерево не воспринимает землю как ограничение. Всё вокруг существовало внутри определённых законов и одновременно оставалось свободным быть собой. Возможно, и человек устроен похожим образом.

Скорее всего, самые тяжёлые битвы рождаются не из обстоятельств. Они начинаются в тот момент, когда человек перестаёт принимать жизнь такой, какая она есть, и начинает воевать с ней.

Качели едва заметно покачивались. Ветер осторожно шевелил ветви яблонь, и солнечные пятна медленно скользили по траве, словно кто-то невидимый рисовал новый день прямо на глазах.

Новый глоток кофе оказался особенно тёплым. Дом всё ещё спал. Где-то за окном наверху Наташа, наверное, только перевернулась на другой бок и снова спряталась под одеяло, а здесь, среди утреннего сада, уже начиналась другая жизнь. Шмели продолжали свои перелёты, пчёлы собирали нектар, птицы приветствовали солнце, и во всём этом было столько естественной мудрости, что любые сложные теории вдруг становились удивительно простыми.

Над клумбой завис тяжёлый шмель, словно выбирая между двумя цветами. Через мгновение он уверенно направился к одному из них. Женя улыбнулась. Даже в природе всё постоянно выбирает. Возможно, человек тоже делает выбор гораздо чаще, чем привык думать.

Она сделала маленький глоток кофе и посмотрела вдаль, туда, где за садом начинались поля, а ещё дальше пряталось море. Отсюда его не было видно, но оно всегда ощущалось. В солоноватом дыхании ветра. В особой прозрачности воздуха. В чувстве простора, которое невозможно объяснить словами.

Вчера они долго говорили с Наташей о свободе выбора, и теперь эта тема снова возвращалась, только уже в другом свете. Чем больше Женя размышляла об устройстве мира, тем яснее понимала, что её настоящей основой является не власть и не контроль. Гораздо важнее было другое, внимание. Именно внимание определяет ту реальность, которую человек проживает.

Она перевела взгляд на старый куст жасмина, который уже готовился к вечернему цветению. Сейчас его листья казались самыми обычными. Но стоило человеку направить туда внимание, как сразу начинали проявляться детали: тонкие прожилки, молодые бутоны, игра света на листе, движение ветра между ветками. Всё словно оживало.

Наверное, так происходит и с человеческой жизнью: то, на что человек направляет своё внимание, начинает расти, наполняться силой и проявляться ярче.

Если он постоянно думает о страхе, мир постепенно начинает показывать ему всё новые причины для тревоги. Если живёт ожиданием беды, замечает лишь подтверждения своим опасениям. Но стоит вниманию сместиться, и вместе с ним меняется сама картина реальности.

Жене вдруг пришла мысль, что, возможно, внимание и есть самая настоящая валюта любого мира, важнее денег, ресурсов и власти.

Она вспомнила, как люди часами переживают о том, что ещё не произошло, мысленно прокручивают старые разговоры, спорят с давно ушедшими людьми, живут внутри воображаемых сценариев и совершенно не замечают утреннего солнца, запаха травы, собственного дыхания и того удивительного факта, что жизнь происходит прямо сейчас.

Женя задумчиво провела пальцем по тёплому краю чашки. Солнце уже поднялось выше. Сад постепенно наполнялся движением. Просыпались птицы. Где-то возле забора прошуршала ящерица. В кронах деревьев появились первые золотые блики настоящего дня.

Дом по-прежнему молчал, сохраняя остатки утреннего сна. Качели тихо покачивались под лёгким ветром. Солнце уже поднялось над садом, и мир окончательно проснулся. Женя улыбнулась. Наверное, внимание действительно было самой дорогой валютой жизни. Ведь человек редко живёт там, где находится его тело. По-настоящему он всегда живёт там, где в эту минуту находится его внимание. За окном шумел сад. Где-то за деревьями дышало море, а впереди было ещё целое лето.

ГЛАВА 18

Клубничная суббота

Сад жил своей утренней жизнью. Пчёлы продолжали собирать нектар. Ветер осторожно перебирал листья. Где-то возле забора мелькнула яркая бабочка и сразу исчезла среди цветов.

Похоже, великое утреннее пробуждение сознания уступало место гораздо более важному процессу. Подруга готовилась к встрече со своей первой чашкой кофе. Из дома донёсся звон посуды. Потом ещё один. Затем характерное недовольное бормотание Наташи, которая, судя по всему, искала нужную кружку и не могла понять, куда она сама же поставила её вчера вечером. Через несколько секунд в открытом окне появилась её растрёпанная после сна голова. Наташа радостно замахала рукой, заметив Евгению на качелях, улыбнулась так широко, словно увидела не подругу, а долгожданное лето, и тут же исчезла обратно в доме.

Женя улыбнулась и откинулась на спинку качелей. Сад продолжал жить своей размеренной утренней жизнью. Шмели по-прежнему кружили над цветами, птицы перекликались где-то в кронах деревьев, а ветер приносил то аромат жасмина, то свежесть моря, словно никак не мог решить, чем именно сегодня наполнить этот день.

В такие спокойные минуты ей иногда казалось, что мир разговаривает с человеком гораздо чаще, чем принято думать, не словами, не голосами, а событиями... Иногда одна случайная фраза оказывается ответом на вопрос, который человек носил в себе много месяцев.

Из открытого окна донёсся звон ложечки о кружку, потом что-то снова загремело на кухне, и Женя невольно улыбнулась. Наташа окончательно проснулась. Судя по звукам, она уже вела оживлённую беседу сама с собой, одновременно открывая шкафчики, переставляя чашки и радуясь солнечному утру так искренне, будто ей снова было лет десять. Иногда Евгении казалось, что некоторые люди приносят в мир особую энергию, лёгкую, живую, похожую на утренний ветер, который сам не знает, куда летит, но по пути успевает заглянуть в каждое окно и погладить каждое дерево.

Она сделала ещё один глоток кофе и посмотрела на сад. Солнце уже поднялось выше, золотило верхушки яблонь, подсвечивало прозрачные крылья стрекоз и превращало капли росы в маленькие драгоценные камни. Где-то в цветах продолжали трудиться шмели, над клумбами медленно кружили бабочки, а воздух был наполнен таким количеством жизни, что казалось, сама Земля тихо напевает какую-то древнюю магическую песню.

С завтраком девушки расправились довольно быстро. Омлет получился пышным и ароматным, укроп и молодой лук приятно хрустывали, а расплавленный сыр тянулся тонкими нитями, словно не хотел отпускать это неспешное утро. Кофе давно был допит,

чашки опустели, а солнце тем временем успело подняться выше над яблонями, подсвечивая молодую листву таким чистым золотом, какое бывает только в самом начале лета.

Наташа лениво откинулась на спинку деревянного кресла и прищурилась на солнечный свет.

— Представляешь, ещё целое воскресенье впереди, — улыбнулась Женя.

— И никакой работы до понедельника, — Наташа довольно вздохнула и потянулась всем телом, чувствуя приятную расслабленность после завтрака. Воздух уже начинал прогреваться, но утренняя свежесть ещё держалась в тени деревьев. Где-то над цветами деловито гудели шмели, а вишнёвые ветви тихо покачивались под едва заметным ветерком.

Они ещё немного посидели на веранде, наслаждаясь утром, а потом решили проверить телефоны. Пока сад жил своей неспешной жизнью, мир за его пределами тоже напоминал о себе сообщениями, звонками и уведомлениями. Наташа первой открыла мессенджеры.

— Так... дети живы, муж тоже жив, кот опять украл чей-то бутерброд. Всё стабильно.

— Значит, мир ещё не рухнул без нашего присутствия, — улыбнулась Женя, просматривая сообщения.

Несколько минут они отвечали родным, отправляли фотографии сада, цветущего жасмина и завтрака, успокаивали домашних, что всё хорошо и возвращаться раньше понедельника никто не собирается.

Сделав последнее сообщение, Женя отложила телефон и вдруг почувствовала, как приятно стало вокруг. Словно вместе с отключёнными уведомлениями исчез и лишний шум. Остались только утро, сад и этот длинный летний день, который никуда не спешил.

— Ну что? — спросила Наташа. — Пока солнце не разогрелось окончательно, может в огород?

— Отличная мысль.

Через несколько минут они уже шли по садовой дорожке. Трава после ночи ещё хранила прохладу. Сквозь тонкую подошву обуви чувствовалась мягкость земли, напитанной росой. Где-то возле клубничных грядок порхали белые бабочки, а в кустах смородины перекликались птицы, обсуждая свои утренние дела. Наташа вооружилась небольшой корзинкой и направилась к грядкам с клубникой.

— Вот скажи мне честно, почему ягоды всегда вкуснее, когда собираешь их сама?

— Потому что это древняя магия дачников.

Смех подхватил их одновременно, легко снимая серьёзность последних слов.

Листья яблонь тихо шелестели над головой, а лёгкий морской ветер время от времени приносил знакомый солоноватый привкус, напоминая, что море совсем рядом.

Клубничная грядка выглядела совершенно безобидно. Ещё утром Наташа была уверена, что собрать её удастся минут за двадцать, максимум за полчаса. Но клубника, как и большинство дачных чудес, обладала удивительным свойством. Стоило сорвать одну

спелую ягоду, как под листом обнаруживалась ещё одна, потом ещё две, потом целая россыпь красных сладких сердечек, спрятавшихся от солнца в густой зелени.

И в этой простой работе, в тёплой земле под ногтями, в аромате мяты возле дорожек, в красных ягодах, исчезающих из корзинки почти так же быстро, как появлялись в ней, было что-то удивительно правильное. Словно сама жизнь на несколько часов переставала быть сложной и становилась такой, какой её задумывали изначально: ясной, живой и наполненной тихой радостью присутствия.

Солнце поднималось всё выше. Воздух постепенно наполнялся теплом. Земля пахла нагретой травой, смородиновыми листьями и летом. Где-то над грядками деловито гудели шмели, а возле цветущих кустов кружились пчёлы, совершенно не обращая внимания на двух женщин, которые с азартом опытных кладоискателей искали всё новые ягоды.

Каждая работала на своей стороне сада. Иногда они переглядывались через кусты смородины, иногда махали друг другу рукой, показывая особенно крупную находку, но разговаривать почти не хотелось. Утро оказалось настолько живым и наполненным, что слова были не нужны. Их заменяли шелест листьев, стрекот кузнечиков и мягкий скрип старой яблони, покачивавшей ветвями под лёгким морским ветерком.

Когда солнце окончательно поднялось над садом, возле веранды стояли уже два полных ведра клубники. Наташа посмотрела на них и растерянно рассмеялась.

— По-моему, эта грядка ночью тайно расширяется.

Женя поставила своё ведро рядом и вытерла ладонью лоб.

— Или клубника решила проверить нашу готовность к изобилию.

— Проверка успешно провалена. Я не была готова к двум вёдрам.

Клубника пахла так сильно, что аромат буквально разливался по всему двору. Казалось, даже воздух стал сладким. Несколько ягод исчезли ещё до того, как добрались до кухни.

В доме сразу началась другая работа. Одно ведро решено было превратить в варенье, желеобразные сладости и зимние запасы радости. Второе отправлялось в морозильник, чтобы сохранить вкус этого утра до холодных месяцев.

На кухне быстро стало жарко. Над плитой поднимался сладкий ягодный пар. Банки выстраивались ровными рядами на столе. Наташа чистила ягоды, Женя перебирала сахар, потом они менялись местами, смеялись, пробовали клубнику прямо из мисок и спорили, сколько ягод положено съесть в процессе приготовления, чтобы это ещё считалось кулинарией, а не хищением собственных запасов.

Но стоило последней банке занять своё место на столе, а морозильная камера принять очередной пакет с ягодами, как кухня постепенно наполнилась тишиной. Той особенной тишиной, которая появляется после хорошо сделанной работы.

Хозяйка исчезла в кладовке почти на десять минут. Оттуда доносился шум переставляемых коробок, скрип старых полок и её негромкое бормотание. Наконец она

появилась в дверях с большим медным тазом, который сиял мягким тёплым светом, будто впитал в себя десятки прошлых лет, сотни банок варенья и тысячи летних дней.

— Нашла, — довольно сказала она, ставя таз на стол.

Наташа сразу оживилась.

— Это тот самый?

— Тот самый, бабушкин, почти легендарный таз, в котором варили варенье ещё задолго до нас. Он пережил столько ягодных сезонов, что, кажется, имеет право считаться частью семейной истории.

Она провела ладонью по прохладному металлу. На отполированных временем стенках отражались солнечные пятна, падающие через окно, банки, миски с клубникой и их собственные силуэты. Казалось, этот таз помнил гораздо больше историй, чем мог бы рассказать любой семейный альбом...

Солнечный свет мягко скользнул по медному боку таза. Клубника пахла всё сильнее. Где-то на плите уже начинала нагреваться вода для будущего варенья.

За окном над цветами завис большой полосатый шмель. Несколько секунд он изучал мир вокруг, потом тяжело перелетел на соседний куст и продолжил свои важные дела.

Женя проводила его взглядом и улыбнулась.

— Знаешь... мне иногда кажется, что люди слишком устают искать знаки.

— А их нет?

— Есть. Но далеко не всё является знаком. Иногда чашка падает просто потому, что её плохо поставили. Иногда дождь идёт потому, что пришло его время. Иногда человеку полезно перестать искать скрытый смысл... и просто сварить варенье.

Наташа посмотрела на гору клубники, которая всё ещё ждала своей очереди.

— Судя по объёму работы, это очень глубокая духовная практика.

— Одна из древнейших.

Клубника постепенно находила своё предназначение. Самые крепкие и красивые ягоды отправлялись в контейнеры для заморозки. Наташа аккуратно раскладывала их рядами, стараясь, чтобы они не помялись и сохранили свою форму. Зимой эти ягоды станут частью молочных коктейлей, десертов и тех особенных вечеров, когда за окном будет лежать снег, а в руках окажется кусочек сегодняшнего солнечного утра.

— Вот эти поедут ко мне, — заявила Наташа, закрывая очередной контейнер.

— А эти ко мне, — не менее уверенно ответила Женя.

— Хорошо, что клубника не знает, что её сейчас делят.

— Думаешь, она бы возмутилась?

— Безусловно, сказала бы, что принадлежит лету.

За окном по-прежнему гудел сад. Солнце уже поднялось высоко и заливало двор ярким июньским светом. Через открытые окна в дом проникали запахи прогретой травы, яблоневого листа и моря. Иногда ветер приносил едва уловимую солоноватость, и тогда

казалось удивительным, что вода находится далеко за деревьями, а её дыхание всё равно добирается сюда.

Основная часть ягод уже была пересыпана сахаром в большом медном тазу. Теперь клубнике предстояло постоять несколько часов, постепенно отдавая сок. Белые сахарные кристаллы медленно растворялись среди красных ягод, словно первый снег, который решил ненадолго заглянуть в разгар лета.

Отдельно они оставили около килограмма самых ароматных ягод для желейных конфет.

— Эти обречены стать произведением искусства, — серьёзно сказала Наташа.

— Или быть съеденными раньше времени.

— Это тоже форма искусства.

Женя рассмеялась и поставила на стол большую миску. Ягоды быстро превращались в яркое рубиновое пюре, которое переливалось на солнце всеми оттенками летнего утра. От сладкого запаха клубники, кажется, уже кружилась голова.

Некоторое время они работали молча. Ложка стучала о край миски. В чайнике тихо остывала вода. Из сада доносились голоса птиц, а где-то далеко, за деревьями, едва слышно шумело море.

Желейная масса была готова. Они аккуратно разлили её по формочкам и поставили в холодильник. Варенье пока спокойно ждало своего часа в старом медном тазу, постепенно наполняя кухню густым клубничным ароматом.

За окнами солнце уже поднялось высоко. Утренняя прохлада исчезла, сад налился теплом, и даже лёгкий ветер с моря больше не казался холодным. Наташа посмотрела на часы.

— Мы что, действительно провели здесь почти всё утро?

— Клубника умеет незаметно похищать время.

— Тогда нам положена компенсация.

— Какая?

Наташа выглянула в окно.

— Море.

Женя рассмеялась.

— Даже спорить не буду.

Они оставили клубнику настаиваться, формы с будущими конфетами отправили охлаждаться, быстро привели кухню в порядок и пошли собираться. Впереди оставалась почти целая суббота, воскресенье и то редкое ощущение, когда время наконец не нужно было делить на часы. Казалось, день только начинался.

ГЛАВА 19

Иллюзия свободы

К полудню солнце уже припекало по-летнему. Песчаные дюны встретили их запахом нагретых трав и сухой хвои, а за ними неожиданно широко открылось море, спокойное, серебристо-голубое, уходящее туда, где небо почти незаметно сливалось с водой.

На берегу было немного людей. Молодая женщина читала книгу, устроившись под большим соломенным зонтом. Чуть дальше мужчина дремал, прикрыв лицо панамой. Возле самой воды дети строили крепость и отчаянно защищали её от волн, которые раз за разом разрушали стены, совершенно не считаясь с человеческими планами.

Балтийское море оставалось верным себе: прекрасное для созерцания и подозрительно холодное для купания. Женя посмотрела на воду и сразу предупредила:

— Даже не уговаривай.

— Я ещё ничего не сказала.

— Но уже подумала.

Наташа рассмеялась, сбросила сандалии и побежала к воде.

Первая волна коснулась её ног.

— Господи! Она ледяная!

— Именно это я и пыталась объяснить тебе последние десять лет.

Однако через несколько минут Наташа уже стояла по колено в воде и изображала человека, которому температура Балтики совершенно безразлична.

Женя устроилась на пледе. Песок приятно согревал ступни, ветер перебирал волосы и приносил запах соли, водорослей и нагретой солнцем травы.

Какое-то время они просто жили внутри этого дня: без вопросов, без объяснений, без необходимости что-либо понимать.

Когда Наташа наконец вернулась из своей короткой битвы с морем, она рухнула рядом на плед и завернулась в полотенце.

— Всё-таки люди удивительные существа.

Женя повернула к ней голову.

— Это сейчас от холода пришло философское озарение?

— Нет, правда. Мы всё время пытаемся откуда-нибудь выйти. Из плохих отношений, из обстоятельств, из системы. А некоторые вообще говорят: «Я хочу выйти из Матрицы».

— И куда собираются?

Наташа посмотрела на море.

— Вот именно. Куда?

Волна мягко набежала на берег, стёрла несколько следов и ушла обратно.

Женя ненадолго задумалась.

— Наверное, проблема начинается уже в самой фразе «выйти из Матрицы». Потому что Матрица не место.

— Но мы же всё время говорим о ней как о системе.

— О системе правил, представлений, привычек, реакций, социальных сценариев. Но значительная часть всего этого давно находится не вокруг человека, а внутри него.

Наташа набрала в ладонь горсть горячего песка и медленно пропустила его между пальцами.

— Значит, можно уехать в другую страну, поменять работу, отношения, друзей и всё равно принести старую Матрицу с собой?

— Конечно. Можно поменять все декорации и продолжать играть тот же сценарий.

— Тогда какой смысл вообще говорить о выходе?

Женя посмотрела на горизонт.

— Мне кажется, гораздо точнее говорить не о выходе, а о пробуждении внутри Игры.

— Красиво. Но что это значит на практике?

— Увидеть, что является тобой, а что ты просто привыкла считать собой.

Наташа повернулась к ней.

— Разве это не одно и то же?

— Совсем нет.

Женя немного помолчала.

— Представь человека, который всю жизнь считает себя нерешительным. Он говорит: «Я такой человек». Но если начать разбираться, может оказаться, что в детстве ему постоянно повторяли: «Не лезь», «не рискуй», «у тебя не получится», «будь осторожнее». Проходят годы, чужие голоса замолкают, а человек продолжает слышать их уже собственным голосом.

— И думает, что это его характер.

— Да.

Море размеренно дышало рядом. Наташа посмотрела на волны.

— Значит, настоящая свобода начинается не с того, чтобы куда-то уйти.

— А с того, чтобы заметить, что именно управляет твоими решениями.

Наташа чуть приподнялась на локте.

— Видишь море?

— В данный момент от него сложно спрятаться.

— Представь, что оно решило из себя выйти.

Наташа рассмеялась.

— Куда?

— Вот и человек часто пытается сделать примерно то же самое. Он хочет найти место, где не будет никаких правил, влияния, обстоятельств, чужих мнений. Только такого места, скорее всего, не существует.

— То есть свободы вообще нет?

— Есть. Просто она выглядит иначе.

Женя провела ладонью по тёплому песку.

— Волна не перестаёт быть частью моря, но каждая волна всё равно имеет собственное движение. Человек тоже живёт внутри множества систем: семьи, общества, культуры, законов, тела, времени. Свобода не в том, чтобы уничтожить всё это. Она появляется там, где человек начинает видеть влияние и выбирать осознанно.

Наташа несколько секунд смотрела на воду.

— Значит, человеку некуда выходить.

Женя улыбнулась.

— Зато всегда есть куда проснуться.

На этом они ненадолго замолчали и, пожалуй, этого было достаточно. Ближе к полудню солнце стало слишком жарким даже для пляжа.

Они собрали полотенца, вытряхнули песок из сумки и пошли к дому через сосновый лес. Под ногами пружинила сухая тропинка, в нагретом воздухе густо пахло смолой, а после нескольких часов у моря появился такой аппетит, будто обе не ели с прошлого вечера. Дома их встретила прохлада. Наташа бросила сумку возле дивана.

— Всё. Теперь я официально согласна на обед.

— Удивительно своевременное решение.

На кухне всё происходило быстро. Из холодильника появились запечённые куриные бёдрышки, молодой картофель, огурцы, зелень. Пока Женя разогревала мясо, Наташа готовила салат и время от времени отправляла кусочки огурца в рот, уверяя, что это не считается.

Через несколько минут они уже сидели за столом. Наташа некоторое время молчала, а потом вдруг сказала:

— Я всё думаю о том, что ты сказала на пляже.

— О море?

— Нет. О свободе.

Она положила вилку.

— Допустим, я никуда из Матрицы не выхожу. Тогда как понять, что решение действительно моё?

Женя посмотрела на неё. Вот теперь разговор подошёл к самому интересному.

— А ты уверена, что большинство своих решений принимаешь полностью осознанно?

Наташа прищурилась.

— Очень неудобный вопрос.

— Поэтому и хороший.

— Ладно. Например?

Наташа задумалась, а потом неожиданно рассмеялась.

— Знаешь, у меня постоянно бывает одна история. Выхожу из дома, сажусь в машину, проезжаю несколько улиц и вдруг думаю: «А дверь я закрыла?»

— Возвращаешься?

— Иногда.

— И?

— Закрыта.

— Потому что ты закрыла её автоматически.

Наташа нахмурилась.

— То есть я это сделала, но не помню?

— Именно. Действие повторялось сотни раз и стало привычным. Мозгу не нужно каждый раз записывать его как новое событие.

— И это нормально?

— Конечно. Представь, если бы каждое утро приходилось заново учиться держать ложку, завязывать шнурки или водить машину. Автоматизм освобождает огромное количество энергии.

— Тогда где проблема?

Женя положила вилку.

— Когда автоматически человек начинает не только закрывать двери.

— А что ещё?

— Выбирать.

Наташа перестала улыбаться.

— Работу, отношения, образ жизни, то, что считает красивым, то, чего стыдится, к чему стремится и даже чего боится.

Несколько секунд слышно было только жужжание шмеля за окном.

— Например, страх? — спросила Наташа.

— Очень часто.

Женя сделала глоток воды.

— Замечала, что человека порой легче удержать не запретом, а страхом?

— Каким?

— Одиночества, бедности, осуждения, возраста, болезни, потери близких. Страхом оказаться ненужной или однажды понять, что жизнь пошла совсем не так, как хотелось.

— Женщина может годами оставаться в отношениях просто потому, что боится уйти?

— Конечно. И никто даже не обязан удерживать её силой. Достаточно, чтобы внутри звучали фразы: «Кому ты теперь нужна?», «В твоём возрасте уже поздно», «Останешься одна», «Кто тебя будет содержать?»

Наташа медленно кивнула.

— И формально решение принимает она сама.

— Формально да. Только вопрос в том, что именно в ней принимает решение.

— Она или её страх.

— Вот.

Наташа несколько секунд молчала.

— Значит, иногда Матрице вообще не нужно что-то человеку запрещать.

— Гораздо удобнее сделать так, чтобы он сам себе запретил.

Эта мысль заставила Наташу отложить вилку.

— Вот это уже неприятно.

— Почему?

— Потому что прямое давление хотя бы видно.

— Именно поэтому самые устойчивые системы редко держатся только на запретах. Намного сильнее работают убеждения, которые человек однажды принял внутрь и перестал замечать.

Наташа посмотрела в окно.

— Тогда сюда же относится мода?

— Конечно.

— Сегодня мне говорят, что красиво одно тело, через несколько лет другое. Меняется одежда, лица, волосы, даже представление о том, как должна выглядеть успешная жизнь.

— И самое интересное, что очень быстро временный идеал начинает казаться человеку его собственным вкусом.

— Хотя ещё несколько лет назад ему нравилось совсем другое.

Женя улыбнулась.

— Именно.

— Значит, Социальный Конструктор не говорит: «Ты обязана хотеть вот это».

— Нет. Он тысячи раз показывает, что именно это красиво, правильно, престижно и желательно. А потом человек однажды произносит: «Я сама этого хочу».

Наташа покачала головой.

— Какая удобная система.

— Очень.

— А реклама вообще построена на этом?

— Практически.

Женя отодвинула тарелку.

— Хорошая реклама редко заставляет. Она сначала создаёт красивый образ жизни, а потом связывает его с какой-нибудь вещью.

— Например с телефоном.

— Прекрасный пример. Твой телефон работает, тебя полностью устраивает, и ты о нём даже не думаешь. Потом несколько дней подряд видишь новую модель: счастливые люди, путешествия, красивые фотографии, лёгкость, успех.

— И вдруг мой старый телефон почему-то начинает выглядеть жалко.

— Хотя с ним ничего не произошло.

Наташа рассмеялась.

— Кроме того, что я увидела новый.

— Вот именно. И заметь: тебе продают уже не телефон.

— А жизнь, которую с ним связывают.

— Современность, успех, красоту, принадлежность к определённому кругу. Вещь становится символом чувства, которое человек хочет получить.

Наташа отпила воды.

— И как понять, действительно ли я этого хочу?

Женя задумалась.

— Иногда помогает очень простой вопрос: если бы никто никогда не показал мне эту вещь и не сказал, что она престижная, модная или необходимая, захотела бы я её сама?

— Боюсь задавать этот вопрос своему шкафу.

— Там могут обнаружиться неприятные открытия.

Обе рассмеялись. Через несколько секунд Наташа снова стала серьёзной.

— Тогда социальные сети делают то же самое.

— Только намного масштабнее.

— Потому что там всё время показывают чужую жизнь?

— Не жизнь. Витрину.

Женя посмотрела на неё.

— Ты видишь путешествия, улыбки, красивое тело, ресторан, новую машину, успешную семью. Но почти никогда не видишь ссору, бессонную ночь, страх, кредит, одиночество, болезнь или двадцать неудачных фотографий, которые были сделаны до одной идеальной.

— И сравниваю свою настоящую жизнь с чужим монтажом.

— Именно поэтому собственная жизнь почти неизбежно проигрывает.

Наташа посмотрела на тарелки, стаканы, веточку укропа, случайно оставшуюся на столе.

— Получается, человек может начать считать себя несчастным только потому, что постоянно смотрит на чужую отредактированную реальность.

— И через некоторое время забывает, что это вообще было сравнение.

— А новости?

— Они используют немного другой механизм.

— Какой?

— Внимание.

Женя подошла к открытому окну.

— Представь, человек каждое утро открывает телефон. А там войны, аварии, болезни, преступления, кризисы, конфликты. На следующий день он видит примерно то же самое. Потом ещё раз. И постепенно ему начинает казаться, что весь мир состоит почти исключительно из опасностей.

Наташа задумалась.

— Хотя в это же время кто-то рождает ребёнка, кто-то влюбляется, кто-то открывает дело, путешествует, спасает животное, пишет книгу...

— Конечно. Но человек не может одновременно видеть весь мир. Его картина реальности складывается из того, чему он постоянно отдаёт внимание.

— То есть можно даже не говорить мне, что думать.

— Достаточно регулярно выбирать, на что ты будешь смотреть.

Наташа медленно провела пальцем по краю стакана.

— Тогда иллюзия выбора начинается гораздо раньше самого выбора.

Женя повернулась к ней.

— Вот теперь мы подошли к самому главному.

— К чему?

— К границам вариантов.

Женя вернулась к столу.

— Представь магазин. Перед тобой десять полок. Ты совершенно свободна выбрать любой товар. Никто не давит, не угрожает, не заставляет.

— Звучит как свобода.

— А кто решил, что вообще окажется на этих десяти полках?

Наташа замерла.

— Получается, мне могут предоставить свободу выбора внутри заранее созданного пространства.

— Именно.

— И я даже не замечу, что существует одиннадцатая полка.

— Или другой магазин. Или возможность вообще ничего не покупать.

Наташа некоторое время молчала.

— Тогда мы живём не столько без свободы...

Она поискала подходящие слова.

— Мы живём с очень ограниченным представлением о её границах.

— Мне нравится эта формулировка.

Наташа откинулась на спинку стула.

— Потому что большинство людей считает: если никто физически не заставляет меня выбирать, значит, я свободна.

— Хотя к моменту выбора уже могли быть сформированы твои страхи, желания, представления о норме, красоте, успехе и даже сам набор допустимых вариантов.

— И решение всё равно ощущается моим.

— Вот поэтому иллюзия настолько убедительна.

В кухне стало непривычно тихо. Наташа посмотрела на окно.

— Теперь история с дверью звучит совсем иначе.

— Почему?

— Автоматически закрыть дверь нормально. Но если я автоматически выбираю, как жить, кого любить, чего бояться и чего хотеть, можно прожить половину жизни даже не заметив этого.

Женя кивнула.

— Автоматизм не враг. Вопрос только в том, где заканчивается полезная привычка и начинается чужой сценарий.

— А как это понять?

— Наверное, никогда нельзя стать абсолютно независимой от окружающего мира. Мы все выросли внутри культуры, семьи, языка, истории. На нас влияют люди, книги, опыт, любовь, боль. Полная независимость была бы ещё одной красивой иллюзией.

— Тогда что остаётся?

— Осознанность.

Наташа улыбнулась.

— Всё опять к ней возвращается.

— Потому что свобода начинается в маленьком промежутке между импульсом и решением.

— Например?

— Ты увидела рекламу и захотела что-то купить. Не нужно запрещать себе покупку. Просто спроси: «Почему я этого хочу?» Тебя напугала новость. Не делай вид, что опасности не существует, но спроси себя: «Я сейчас вижу весь мир или только один его

фрагмент?» Ты собираешься сказать «да», потому что боишься кого-то обидеть. Остановись хотя бы на несколько секунд.

— И этого достаточно?

— Иногда нескольких секунд хватает, чтобы вернуть себе решение.

Наташа задумчиво кивнула.

— Значит, настоящий выбор появляется не тогда, когда мне дают много вариантов.

— А тогда, когда ты хотя бы замечаешь, откуда они появились.

В этот момент телефон Наташи коротко завибрировал на столе. Она автоматически протянула руку, остановилась на полпути и рассмеялась.

— Ну конечно.

— Что?

— Практическая часть урока.

Она перевернула телефон экраном вниз.

— Пусть подождёт.

Женя улыбнулась.

— Матрица переживёт?

— Очень на это надеюсь.

После обеда они убрали посуду. Кухня постепенно снова стала тихой. Наташа задержалась возле окна. В саду шелестела яблоня, по цветам ползал тяжёлый шмель, солнечный свет лежал на траве неровными золотыми пятнами.

— Странно, — сказала она. — Настоящая жизнь всё это время происходит здесь. А мы половину времени смотрим куда-то ещё.

— Она вообще редко требует специального оформления.

Несколько секунд обе стояли молча. Никто ничего им не продавал. Никто не объяснял, какими они должны быть. Никто не предлагал готовых вариантов правильной жизни. Были только летний сад, остатки клубничного запаха из кухни, тёплый свет и их собственная тишина.

— Знаешь, — наконец сказала Наташа, — кажется, я теперь понимаю, почему из Матрицы нельзя просто выйти.

Женя посмотрела на неё.

— Почему?

— Потому что сначала придётся увидеть ту её часть, которую носишь внутри себя.

Женя улыбнулась.

Наташа взяла книгу и направилась в свою комнату.

— Мне нужен час без информации.

— Мне тоже.

Дом постепенно погрузился в послеобеденную тишину. За окнами стрекотали кузнечики, в кронах деревьев перекликались птицы, ветер иногда касался листьев яблонь.

Наташа устроилась возле окна, но читать сразу не стала. Телефон остался лежать на кухонном столе. И впервые за долгое время ей было интересно не то, что мир собирался показать ей дальше. А то, какие мысли появятся, когда никто не будет подсказывать, о чём ей думать.

Возможно, полной свободы выбора не существовало. Но существовала возможность увидеть, кто выбирает внутри тебя. И именно с этого начиналась свобода.

ГЛАВА 20

Испытание изобилием

Утро наступило тихо. Ночь принесла прохладу, и теперь открытые окна впускали в дом свежий морской воздух. Первые солнечные лучи ложились на деревянный пол веранды, золотили листья яблонь и зажигали капли росы маленькими прозрачными огоньками.

Женя проснулась раньше обычного. После долгих разговоров с ней часто случалось именно так: тело ещё просило сна, а мысли уже начинали жить своей жизнью, складывая вчерашние слова в новые смыслы.

Она накинула лёгкий халат, спустилась на кухню, приготовила кофе и вышла с чашкой на веранду.

Дом ещё спал. Даже Наташа, которая обычно просыпалась вместе с птицами, сегодня решила позволить себе лишний час отдыха.

Женя устроилась в кресле и несколько минут просто смотрела на сад. Она любила это время, когда никто ещё ничего от тебя не хочет, телефон молчит, дела не успели напомнить о себе, а новый день словно только примеряет на себя своё будущее.

За годы работы люди рассказывали ей о самых разных страхах: одиночестве, болезнях, предательстве, старости, потере близких. Но почти незаметно рядом с ними всегда существовал ещё один страх, который редко называли сразу. И это был страх денег. Точнее, страх их потерять.

На втором этаже скрипнула дверь, и вскоре на веранде появилась Наташа с растрёпанными после сна волосами.

— Доброе утро...

— Доброе.

Наташа остановилась в дверях и внимательно посмотрела на подругу.

— Ты уже опять думаешь?

Женя рассмеялась.

— Похоже, это становится хроническим.

— И о чём сегодня?

— О деньгах.

— Прекрасно. Даже кофе ещё не выпила, а мы уже добрались до финансов.

— Самое подходящее время. Пока ты ещё ничего не успела потратить.

Наташа усмехнулась, налила себе кофе и устроилась напротив.

— Ну хорошо. Что с ними не так?

Женя немного помолчала.

— Мне кажется, мы слишком часто думаем, что испытание деньгами начинается тогда, когда их нет.

— А разве нет?

— Это только одна сторона. Есть другая, гораздо интереснее. Иногда настоящая проверка начинается именно тогда, когда денег впервые становится больше, чем человек привык иметь.

Наташа подняла брови.

— Например?

— Представь женщину, которая получает полторы тысячи евро в месяц. Годами примерно один и тот же сценарий: зарплата приходит на счёт, в течение месяца она оплачивает жильё, еду, детей, покупки, какие-то мелкие радости, к концу месяца на счету почти ничего не остаётся. Потом приходит следующая зарплата, и всё начинается заново.

— Обычная жизнь половины человечества.

— Именно. И постепенно полторы тысячи становятся для неё не просто зарплатой. Они превращаются в финансовую норму.

Наташа сделала глоток кофе.

— В каком смысле норму?

— В сумму, которую её сознание привыкло получать, удерживать и тратить. Она может мечтать о пяти тысячах, десяти или ста тысячах, но фактически её внутренний финансовый мир годами знает только один сценарий: получила полторы, прожила месяц, вернулась почти к нулю.

— А потом у неё вдруг появляется больше?

— Допустим, неожиданно на счету оказывается три тысячи, или пять: премия, удачная сделка, дополнительная работа, продажа чего-то, подарок, новый клиент. Не так важно, откуда они пришли. Важно другое: впервые человек оказывается выше своей привычной финансовой линии.

Наташа поставила чашку на стол.

— И что происходит?

Женя посмотрела на неё.

— Вот здесь и начинается самое интересное.

Она ненадолго замолчала, словно давая Наташе самой почувствовать продолжение.

— Если рассматривать жизнь как Матрицу, можно заметить странную закономерность. Система словно проверяет: действительно ли человек готов жить на новом финансовом уровне или через несколько дней вернётся туда, где находился всегда.

— Как она может это проверить?

— Через обстоятельства, собственные страхи человека, желание немедленно что-нибудь купить, а иногда через других людей.

— Матричных агентов?

— Именно.

Наташа усмехнулась.

— Всё-таки добрались до них.

— А почему нет? Матричным агентом в такой момент может оказаться кто угодно. Муж, жена, ребёнок, родственник, знакомый, сотрудник банка, продавец, финансовый консультант, человек из интернета. Иногда он даже не понимает, какую роль играет в этой истории.

— Например?

— Допустим, у тебя впервые осталось пять тысяч евро. Через два дня муж говорит, что машину срочно пора менять. Мама неожиданно вспоминает, что ей необходимо сделать ремонт. Подруга предлагает невероятно выгодное вложение. Банк присылает персональное предложение. Кто-то звонит и убеждает, что деньги нужно срочно перевести на безопасный счёт. Или ты сама вдруг решаешь, что тебе жизненно необходим телефон, сумка, поездка или ещё что-нибудь, без чего прекрасно жила до появления этих денег.

Наташа рассмеялась.

— То есть деньги ещё даже не успели привыкнуть ко мне, а все уже знают, что они появились?

— Иногда именно такое ощущение и возникает.

— И ты считаешь, Матрица пытается забрать разницу?

Женя чуть наклонила голову.

— Я бы сказала иначе. Она словно возвращает человека к привычной финансовой норме.

Наташа задумалась.

— То есть если всю жизнь на счету было максимум полторы тысячи, а вдруг стало пять, система как будто говорит: «Нет-нет, мы так не договаривались»?

— Примерно так.

Обе рассмеялись, но Женя почти сразу стала серьёзнее.

— И вот здесь человеку очень важно увидеть сам механизм. Потому что внешне всё может выглядеть совершенно логично. Машина действительно может сломаться. Родственнику действительно может понадобиться помощь. Инвестиция действительно может показаться привлекательной. Никто не приходит с табличкой: «Здравствуйте, я матричный агент и сейчас помогу вам вернуться к нулю».

— Жаль, было бы намного проще.

— Да. Но это тонкая древняя игра и не важно, знает человек о ней или нет.

За окном на тонкую ветку жасмина села маленькая серая птица. Ветка мягко качнулась под её весом, но почти сразу вернулась в прежнее положение. Женя проводила птицу взглядом.

— Мне кажется, именно поэтому первый переход на новый уровень дохода бывает таким интересным. Человек проверяется не только на способность заработать деньги.

— И на способность их удержать?

— Да.

Эта фраза прозвучала гораздо серьёзнее.

— Получить деньги иногда проще, чем разрешить себе оставить их у себя.

Наташа нахмурилась.

— Странно звучит.

— Но посмотри, сколько людей именно так и живут. Как только появляется свободная сумма, внутри почти сразу возникает напряжение. Нужно куда-то её деть: потратить, отдать, вложить. Срочно купить то, что давно хотелось, словно сам факт наличия денег начинает беспокоить.

— Потому что человек не привык видеть их на счету?

— В том числе. Для его внутренней системы эта сумма пока чужая. Она ещё не стала нормой.

Женя взяла чашку в ладони.

— Поэтому иногда один из разумных способов пройти такую проверку состоит в том, чтобы самому осознанно распорядиться частью денег, но не уничтожить капитал.

— Например инвестировать?

— Например. Или перевести часть на отдельный накопительный счёт, купить актив, вложить в обучение, инструмент для работы, что-то, что сохраняет ценность или поможет создавать новый доход. То есть движение денег происходит, но человек не возвращается к исходной точке.

— Матрица видит расход, но деньги всё равно остаются у человека?

Женя улыбнулась.

— Если описывать это языком нашей Игры, именно так. Ты показываешь системе: «Да, я умею обращаться с этой суммой. Она не является случайностью. Мне не нужно немедленно уничтожить её только потому, что раньше столько у меня не было».

Наташа задумчиво провела пальцем по краю кружки.

— А если ничего не сделать?

— Я не думаю, что обязательно нужно что-то покупать только ради расхода. Главная задача вообще не в этом. Нужно перестать внутренне относиться к новой сумме как к чему-то невозможному.

— То есть привыкнуть?

— Разрешить ей существовать.

Женя посмотрела в сад.

— Пять тысяч должны перестать вызывать внутри ощущение: «Господи, у меня пять тысяч!» Они должны стать просто деньгами, которыми ты умеешь распоряжаться.

Наташа вдруг рассмеялась.

— Представляю, открываю приложение банка каждое утро и тренирую спокойное лицо.

— Между прочим, для некоторых это была бы прекрасная практика.

— И если человек проходит эту проверку? — спросила Наташа.

— Тогда происходит самое интересное. Новая сумма постепенно становится нормальной.

— То есть в следующий раз Матрица уже не пытается её забрать?

— По моим наблюдениям, давление уменьшается. Человек сам уже иначе реагирует. Он не бросается немедленно тратить, меньше пугается, спокойнее принимает решения. И те ситуации, которые раньше мгновенно выбивали его из равновесия, больше не работают с такой силой.

— Например, муж уже не приходит с идеей срочно купить новую машину?

— Или приходит, но женщина спокойно отвечает: «Нет. Сейчас я этого не хочу».

Наташа улыбнулась.

— То есть матричный агент может прийти, но кнопка уже не работает.

Женя посмотрела на неё с одобрением.

— Вот это очень точная формулировка.

Несколько секунд они молчали. В этой идее Наташе явно понравилось что-то ещё.

— Получается, переход на новый уровень дохода происходит не тогда, когда деньги один раз пришли.

— Конечно нет.

— А когда человек способен их выдержать?

— Да.

Женя специально выделила это слово: «выдержать сумму».

— Никогда не думала, что деньги нужно уметь выдерживать.

— Большинство думает только о том, как их заработать. Но представь человека, который всю жизнь жил на полутора тысячах и однажды начал получать десять. Его привычки, окружение, желания, представление о себе, отношение родственников, уровень ответственности, всё начинает меняться.

— И старый человек может просто не выдержать новой жизни.

— Именно.

Поэтому иногда после резкого роста дохода люди удивительно быстро возвращаются назад. Они совершают неудачные вложения, набирают обязательства, повышают расходы

настолько, что новый доход снова оказывается недостаточным. Или просто бессознательно создают ситуацию, после которой всё возвращается на прежний уровень.

— То есть человек зарабатывает больше, но через год живёт так, будто ничего не изменилось.

— Или ещё хуже: доход вырос в три раза, а ощущение нехватки стало сильнее.

Наташа задумалась.

— Получается, новая финансовая норма должна сначала появиться внутри.

— И закрепиться опытом.

Женя сделала последний глоток кофе.

— Сначала человек учится спокойно видеть на своём счету три тысячи, потом пять, десять. И каждый уровень задаёт один и тот же вопрос: «Ты умеешь этим пользоваться или деньги по-прежнему управляют тобой?»

— А где начинается серьёзная проверка?

Женя пожала плечами.

— Иногда в разговорах о деньгах можно услышать суммы в семьдесят или сто тысяч долларов или евро. Мол, именно на таких уровнях человек сталкивается с большими проверками власти, контроля, доверия, ответственности. Но мне кажется ошибкой ждать каких-то магических ста тысяч.

— Потому что Матрица начинает раньше?

— Намного раньше. Для человека, который привык жить от зарплаты до зарплаты, первые свободные три тысячи могут оказаться гораздо более серьёзной инициацией, чем сто тысяч для того, кто годами распоряжается миллионами.

Наташа медленно кивнула.

— То есть проверяется не сумма.

— Проверяется переход.

Это предложение зависло между ними.

Женя вдруг поняла, что именно его искала всё утро.

— Сумма для каждого своя. Матрица словно замечает не цифру, а момент, когда человек выходит за границы привычного.

— И пытается вернуть его назад.

— Да. Старый уровень всегда обладает инерцией.

Она посмотрела на Наташу.

— Помнишь, мы говорили, что любая система старается сохранить себя? С деньгами происходит очень похожая история. Если человек годами жил в определённом финансовом коридоре, всё вокруг уже подстроено под него: привычки, покупки, решения, отношения, даже ожидания близких.

— А потом он вдруг пытается выйти.

— И система начинает перестраиваться.

Наташа немного помолчала.

— Теперь я понимаю, почему матричным агентом может стать даже близкий человек.

— Конечно. И это не означает, что он плохой или хочет тебе зла. Муж может искренне считать, что именно сейчас нужно купить машину. Мама может действительно хотеть ремонт. Ребёнок может внезапно попросить дорогую вещь. Каждый будет действовать из своей картины мира.

— Но решение всё равно моё.

— Вот в этом и заключается проверка.

Женя положила ладонь на стол.

— Матричный агент не забирает у тебя деньги. Он создаёт ситуацию, в которой ты сама решаешь, возвращаться тебе на прежний уровень или нет.

Наташа тихо выдохнула.

— Вот теперь это звучит намного серьезнее.

— Потому что ответственность нельзя переложить на Матрицу.

Несколько мгновений они слушали сад.

— А мошенники? — спросила Наташа. — Они тоже сюда относятся?

— Конечно. Только там механизм ещё нагляднее. Представь, ты впервые накопила серьёзную для себя сумму. И вдруг звонок: «Ваш счёт взломан, срочно переведите деньги». Что происходит?

— Я пугаюсь.

— Именно. Человека выводят из спокойного состояния, а потом предлагают действие.

— Или обещают огромную прибыль.

— Тогда включают жадность и страх упущенной возможности: «Только сегодня», «последний шанс», «все уже зарабатывают», «вы останетесь за бортом».

— Или родственник звонит и говорит: «Если ты сейчас не поможешь, значит, тебе на нас наплевать».

— Тогда включается вина.

Женя чуть улыбнулась.

— Декорации разные, а дверь одна и та же. Сначала человека заставляют потерять внутреннее равновесие, а потом пытаются получить доступ к его решениям.

Наташа нахмурилась.

— Значит, главное правило в момент финансовой проверки...

— Ничего важного не решать в состоянии сильной эмоции.

— Даже если всё выглядит очень срочно?

— Особенно если всё выглядит очень срочно.

Наташа рассмеялась.

— Это надо написать огромными буквами где-нибудь возле телефона.

— И возле банковского приложения.

Утро давно перестало быть ранним. Солнце поднялось выше, сад наполнился голосами птиц, а от вчерашней прохлады почти ничего не осталось.

Наташа принесла себе ещё кофе.

— Тогда получается, деньги вообще становятся чем-то вроде экзамена на внутреннюю устойчивость.

— На устойчивость, ответственность и способность принимать.

— Принимать?

— Это гораздо сложнее, чем кажется.

Женя посмотрела на неё.

— Многие люди прекрасно умеют отдавать, работать, заботиться, помогать. Но когда жизнь начинает давать им больше, они почти сразу ищут способ избавиться от этого избытка.

— Потому что чувствуют себя виноватыми?

— Чаще всего им кажется, что столько им не положено. Иногда страшно отличаться от семьи. Иногда внутри существует убеждение: «Большие деньги обязательно принесут проблемы».

— И человек сам возвращается туда, где ему привычно.

— Да.

Наташа провела ладонью по волосам.

— Получается, следующая ступень дохода начинается с разрешения иметь больше.

— И не оправдываться за это.

Несколько секунд обе молчали.

Потом Наташа неожиданно спросила:

— А духовность здесь вообще при чём?

— В каком смысле?

— Ну, все эти разговоры, что духовному человеку много денег вроде бы не нужно.

Женя улыбнулась.

— Это одна из самых странных идей, которые люди умудрились создать вокруг денег.

— Почему?

— Потому что почему-то никто не требует от хорошего хирурга работать бесплатно или от архитектора, или от музыканта. Но как только речь заходит о психологе, учителе, целителе или человеке, который работает с внутренним миром, сразу появляется ожидание, что настоящая духовность должна обходиться без денег.

— А ты с этим не согласна?

— Я думаю, деньги вообще не определяют духовность человека.

Женя перевела взгляд на сад.

— Деньги могут построить больницу, оплатить образование, дать человеку время для творчества, позволить путешествовать, создавать книги, помогать другим. Но те же деньги могут использоваться для власти, зависимости или бесконечной демонстрации собственной значимости.

— То есть они просто инструмент.

— Именно. Вопрос всегда в том, кто держит инструмент в руках.

Наташа ненадолго задумалась.

— Тогда настоящий переход на другой финансовый уровень выглядит совсем не так, как я себе представляла.

— А как ты представляла?

— Что нужно просто научиться больше зарабатывать.

Женя рассмеялась.

— Это только половина задачи.

— А вторая?

— Научиться не разрушать то, что создала.

Наташа медленно повторила:

— Не разрушать...

— Не отдавать деньги из страха. Не тратить их только потому, что непривычно видеть сумму на счету. Не вкладывать туда, куда тебя загнали жадностью. Не спасать всех подряд из чувства вины. Не превращать новый доход в новый уровень расходов так быстро, что через месяц ты снова оказываешься в той же точке.

— И тогда новая сумма закрепляется?

— Постепенно становится частью твоей реальности.

Женя посмотрела на неё.

— В первый раз пять тысяч кажутся огромными. Во второй уже знакомыми. В десятый ты просто знаешь, что умеешь иметь пять тысяч и спокойно ими распоряжаться.

— А потом появляется возможность для десяти.

— Именно.

Наташа тихо засмеялась.

— Это похоже на расширение комнаты. Сначала новая часть кажется чужой, а потом ты просто начинаешь там жить.

— Хорошая метафора.

— И Матрица уже не пытается вытолкнуть тебя обратно?

Женя подумала.

— Скорее ты сама перестаёшь открывать ей дверь старой реакцией.

В саду снова показалась маленькая серая птица. На этот раз она села чуть ближе, на перила веранды, быстро оглядела женщин и тут же улетела.

Наташа проводила её взглядом.

— Знаешь, теперь я думаю, что настоящее изобилие вообще начинается не тогда, когда человеку дали много.

— А когда?

— Когда он способен это удержать и при этом остаться собой.

Женя улыбнулась.

— Вот теперь ты сама ответила.

Она поставила пустую чашку на стол. Пожалуй, именно в этом и заключалось испытание изобилием: не в самой цифре, не в трёх тысячах, пяти, семидесяти или ста тысячах. Для каждого человека существовала своя граница, за которой привычная финансовая реальность начинала сопротивляться переменам.

И каждый раз вопрос звучал одинаково: вернёшься ли ты к прежнему уровню только потому, что он знаком, или позволишь себе сделать новую сумму естественной частью собственной жизни?

Матрица могла прислать тысячу причин вернуться назад. Матричным агентом мог стать близкий человек, случайный знакомый, банковский сотрудник, мошенник, реклама или даже собственное внезапное желание немедленно потратить всё лишнее.

Но окончательное решение всё равно оставалось за человеком: сохранить, осознанно распорядиться, не испугаться, не отдать управление своей жизнью первой же сильной эмоции. И однажды обнаружить, что сумма, которая ещё недавно казалась невероятной, больше не вызывает ни восторга, ни страха. Она просто есть.

И, возможно, именно в этот момент старая финансовая граница перестаёт существовать, освобождая место следующей.

ГЛАВА 21

Возвращение к себе

Дом постепенно погрузился в ленивую послеобеденную тишину. За окнами продолжалось лето: в высокой траве стрекотали кузнечики, в саду перекликались птицы, лёгкий ветер время от времени шевелил ветви яблонь, а сладкий запах клубники, оставленной на кухне, незаметно поднимался по лестнице и смешивался с ароматом нагретого дерева, жасмина и солнца. Казалось, сам июнь решил ненадолго поселиться в этом доме и теперь неторопливо заполнял собой каждую комнату.

После обеда подруги разошлись отдыхать. Женя почти сразу уснула, потому что последние несколько дней были наполнены прогулками, морем, ягодами, долгими разговорами и размышлениями, которые порой утомляют не меньше физической работы. Наташа тоже легла, несколько раз повернулась с боку на бок, но сон не пришёл. В голове было необыкновенно тихо, не пусто, а именно тихо, словно множество мыслей, ещё недавно толкавшихся у какой-то невидимой двери, наконец перестали спорить между собой и разошлись по своим местам.

Она посмотрела в окно. Между листьями старой яблони медленно скользили солнечные блики, где-то совсем рядом жужжал шмель, ветер чуть заметно шевелил занавеску. Самый обычный летний день, в котором не происходило ничего значительного, и почему-то именно эта простота неожиданно показалась Наташе настоящим чудом.

Она тихо поднялась, чтобы не разбудить Женю, спустилась по деревянной лестнице и вышла в сад. Тёплый воздух коснулся лица, пахло нагретой травой, сосновой смолой, жасмином и клубникой, а где-то далеко, за деревьями, ровно дышало море. В тени яблони висел старый гамак. Наташа легла в него, слегка оттолкнулась ногой от земли и стала смотреть в огромное голубое небо, по которому неторопливо двигались белые облака. Они никуда не спешили, не пытались обогнать друг друга и, похоже, совершенно не переживали, успеют ли добраться туда, куда направлялись.

Наташа улыбнулась. Ещё несколько дней назад она приехала сюда с ощущением, что должна получить ответы на множество вопросов: понять, как устроена Матрица, существуют ли Архитекторы реальности, почему некоторые события возвращаются снова и снова, можно ли изменить судьбу, где заканчивается случайность и начинается собственный выбор. Теперь вопросы никуда не исчезли, но исчезла необходимость непременно разобраться во всём сразу, и это ощущалось почти как освобождение. Впервые ей не хотелось хватать жизнь за плечи и требовать, чтобы та немедленно объяснила, по каким законам работает.

Гамак едва заметно покачивался. Наташа следила за тем, как по коре яблони медленно ползёт божья коровка, как ветер перебирает листья, как тяжёлый шмель с удивительным

упорством возвращается к одному и тому же цветку. Когда-то всё это показалось бы ей слишком простым, почти незаметным, потому что взрослый человек обычно занят вещами куда более важными: работой, планами, обязательствами, телефоном, будущим, прошлым, необходимостью всё успеть, только сама жизнь почему-то всегда происходит в настоящем.

И вдруг Наташа особенно ясно вспомнила, сколько лет жила с ощущением, будто настоящее ещё впереди: вот закончится трудный период, появится больше денег, дети подрастут, на работе станет спокойнее, она сама станет сильнее, собраннее, мудрее, красивее, научится меньше ошибаться и больше понимать, а уже после этого можно будет наконец расслабиться и начать жить. Теперь эта мысль казалась почти нелепой, потому что жизнь всё это время не ждала её где-то впереди. Она происходила во всём сразу: в утреннем кофе, прогулках босиком по ледяной Балтике, запахе клубники, смехе на кухне, ночных разговорах, неожиданных страхах, ошибках, любви, встречах и расставаниях. Не существовало никакого отдельного «потом», в котором начиналась бы настоящая жизнь. Было только то, что происходило сейчас.

Наташа глубоко вдохнула и впервые почувствовала, что эта мысль её не пугает. Напротив, в ней было что-то удивительно освобождающее. Если жизнь действительно происходит сейчас, значит, в неё не нужно получать разрешение войти. Не нужно сначала стать кем-то другим, сдать внутренний экзамен, соответствовать чьим-то ожиданиям или наконец доказать самой себе, что ты достаточно хороша для счастья.

Небо осталось прежним, сад тоже не изменился, море продолжало шуметь за соснами, и всё же мир вдруг выглядел иначе. Наташа поняла, что изменилось не пространство вокруг неё, а точка, из которой она на него смотрела. Раньше Матрица представлялась чем-то огромным и внешним, почти отдельной силой, управляющей человеком, а теперь всё виделось гораздо проще и одновременно сложнее. Самые прочные стены нередко возникают внутри нас из привычек, страхов, чужих ожиданий, семейных правил и выводов, которые когда-то были приняты за истину, а потом настолько срослись с человеком, что он перестал отличать их от самого себя.

Скрипнула дверь. На крыльцо вышла Женя, прикрыла ладонью глаза от солнца, заметила Наташу в гамаке и неспешно подошла. Она села прямо на траву рядом, какое-то время ничего не говорила, и только потом спросила:

— Не спится?

— Уже нет.

— О чём думаешь?

Наташа посмотрела в небо.

— Знаешь, странная вещь, мне кажется, я перестала искать.

Женя улыбнулась, но в её взгляде не было удивления, скорее спокойное ожидание человека, который давно чувствовал, что этот момент когда-нибудь наступит.

— И что нашла?

Наташа тихо рассмеялась.

— Пока ничего, и впервые меня это совершенно не пугает.

— Почему?

Она задумалась.

— Наверное, потому что раньше мне казалось, будто ответы находятся где-то далеко и нужно обязательно найти правильную книгу, правильного человека, правильную систему знаний, понять Матрицу, разобраться с Архитекторами, выяснить, кто управляет судьбой. А сейчас у меня появился совсем другой вопрос.

— Какой?

— Как я хочу прожить свою жизнь?

Женя ничего не сказала, и это молчание оказалось гораздо уместнее готового ответа.

— Не кем я была когда-то, не кто управляет миром и даже не почему со мной случилось то или иное, — продолжила Наташа. — Всё это по-прежнему интересно, но мне вдруг стало важнее понять, как я хочу жить сейчас. Столько времени пытаешься разобраться в устройстве Вселенной, а потом выясняется, что гораздо сложнее услышать собственное сердце.

— Возможно, с него и нужно было начинать, — спокойно сказала Женя.

Наташа повернула к ней голову.

— Мне раньше казалось, что духовный путь обязательно ведёт куда-то вверх, что нужно больше знать, больше понимать, становиться осознаннее, сильнее, правильнее.

— А сейчас?

— Сейчас я вообще не уверена, что хочу становиться правильнее.

Женя рассмеялась.

— Уже неплохой результат.

— Наверное, мне хочется становиться собой.

Фраза прозвучала без торжественности и красивой многозначительности, но именно поэтому оказалась точной. Женя сорвала тонкую травинку, медленно провела ею по ладони и сказала:

— Мне кажется, духовный путь вообще не всегда связан с приобретением чего-то нового. Иногда это, наоборот, освобождение от того, что мы когда-то по ошибке приняли за себя.

— Например?

— От убеждения, что любовь нужно заслужить, счастье необходимо отложить, удобство важнее живого человека, кто-то другой знает нас лучше, свобода находится где-то далеко, а сначала нужно соответствовать чужим ожиданиям и только потом позволить себе жить по-своему.

Наташа слушала и чувствовала, как услышанное странным образом соединяет все разговоры последних дней в одну линию.

— Получается, мы не становимся кем-то новым?

— Возможно, мы постепенно перестаём быть теми, кем никогда и не были.

Наташа некоторое время молчала.

— Значит, вся эта дорога была не вперёд?

— Думаю, нет.

— Тогда куда?

Женя посмотрела на небо.

— Обратно.

— Куда?

Теперь она повернулась к Наташе.

— К себе.

Эти два слова почему-то оказались важнее длинных объяснений. Наташа лежала в гамаке и чувствовала, как они медленно опускаются куда-то глубже мыслей. Речь шла не об идеальной версии себя, не о просветлённой женщине, которая перестала ошибаться, бояться или сомневаться, а о живой, настоящей себе, той, которая иногда сильная, иногда уставшая, порой точно знает, чего хочет, а в другой день способна растеряться и всё равно не перестаёт от этого быть собой.

Через некоторое время Женя поднялась и протянула ей руку.

— Пойдём.

— Куда?

— Проверять нашу духовную практику.

Наташа подозрительно посмотрела на неё.

— Какую ещё?

— Клубничные конфеты.

Она рассмеялась.

— Вот за это я тебя и люблю. Пять минут назад мы возвращались к себе, а теперь идём к холодильнику.

— А куда ещё возвращаться после долгих путешествий?

Они вошли в дом. На кухне было прохладно, на столе стояли банки с вареньем, а в холодильнике терпеливо ждали формы с желевыми конфетами. Женя осторожно достала одну из них и сказала:

— Посмотрим, удалось ли нам сохранить сегодняшний день.

— Ты сейчас о конфетах или о жизни?

— Иногда это почти одно и то же.

Первая конфета легко вышла из формы. Наташа попробовала её и довольно зажмурилась.

— По-моему, получилось сохранить вкус лета.

Женя тоже взяла одну, немного подумала и покачала головой.

— Нет.

— Что нет?

— Не лето.

Она ещё раз почувствовала вкус клубники, лёгкую ягодную кислинку и тонкий аромат мяты.

— Дом.

Наташа вопросительно посмотрела на неё.

— То самое ощущение дома, — пояснила Женя, — где тебе не нужно ничего доказывать, можно прийти такой, какая ты есть, сесть на кухне, налить себе чай и знать, что тебе здесь рады.

Наташа ничего не ответила, потому что вдруг поняла: именно так она ощущала последние несколько дней. Только дело было не в деревянных стенах, старой даче, саде или веранде. Домом оказалось внутреннее состояние, в котором больше не нужно убегать от самой себя.

К вечеру жара начала спадать. Они заварили чай и вышли на крыльцо. Солнце медленно опускалось за верхушки сосен, небо становилось мягче, в воздухе всё ярче раскрывался жасмин, а где-то далеко ровно шумело море. Подруги сидели рядом почти молча. Ещё совсем недавно Наташе казалось, что тишину обязательно нужно заполнить разговором, теперь же именно в ней появлялось пространство, где можно наконец услышать то, что обычно тонет под бесконечным шумом мыслей.

— О чём думаешь? — спросила Женя.

Наташа некоторое время смотрела на сад.

— Наверное, впервые никуда не спешу.

— Хорошее чувство.

— Очень.

Они снова замолчали. Солнце уже почти коснулось верхушек сосен, и сад медленно переходил из дневного света в вечернюю полутьму.

Наташа поставила чашку на деревянные перила и вспомнила, с каким внутренним ощущением приехала сюда всего несколько дней назад. Ей казалось, что впереди её ждут ответы, что нужно понять законы Матрицы, раскрыть тайны Архитекторов, разобраться, почему жизнь складывается именно так и каким образом её изменить. Теперь она понимала, что ничего окончательно не разгадала, зато перестала ждать, что кто-то однажды принесёт ей инструкцию, по которой нужно правильно прожить собственную жизнь.

Матрица никуда не исчезла. Мир не стал проще. Люди по-прежнему будут передавать друг другу страхи, ожидания и правила, новости будут приходить в телефон, реклама будет объяснять, чего ей якобы не хватает, знакомые станут советовать, как нужно жить, а кто-то обязательно скажет, что женщине уже поздно чего-то хотеть, что ей следует

потерпеть, быть удобнее, выглядеть иначе, меньше мечтать или больше соответствовать. Всё это останется.

Но теперь между чужим голосом и её решением появилось небольшое пространство, в котором можно было остановиться и спросить себя: «А чего хочу я?»

Наверное, именно это и было свободой, которую Наташа всё это время пыталась найти. Не жизнь без правил и обстоятельств, не побег из Матрицы, не тайное знание, которое однажды сделает её недостижимой для боли, а способность присутствовать в собственной жизни и не отдавать её незаметно чужим страхам, желаниям и представлениям о том, какой ей положено быть.

Она посмотрела на Женю.

— Знаешь, что самое смешное?

— Что?

— Я ведь приехала сюда искать выход из Матрицы.

— И нашла?

Наташа посмотрела на сад, старые яблони, чашку в своих руках, окна дома, за которыми пахло клубничным вареньем, и медленно покачала головой.

— Нет. Похоже, я искала совсем не выход.

Женя чуть приподняла брови.

— А что тогда?

Наташа положила ладонь на грудь.

— Вход в собственную жизнь.

Где-то за соснами прокатилась длинная волна и растворилась у берега. Женя ничего не сказала, и впервые Наташа не ждала от неё ответа. Ей больше не нужен был человек, который объяснит, как устроен мир, скажет, правильно ли она живёт или что должно произойти дальше. Впереди всё равно будут ошибки, потери, новые страхи, старые привычки и люди, которые невольно попытаются вернуть её в прежние роли. Будут дни, когда она снова забудет всё, что поняла здесь. Но теперь она знала главное: дорога обратно существует, и ведёт она не к этому дому, не к морю и даже не к Жене, а к самой себе.

Ветер принёс с моря прохладу и лёгкий запах соли. В саду один за другим зажигались первые светлячки, на кухне остывало клубничное варенье, впереди была жизнь, не идеальная, не разгаданная и не обещанная когда-нибудь потом, а её собственная. И впервые Наташа не собиралась ждать, когда эта жизнь начнётся. Она уже жила.

